

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Долина драконов
Книга вторая
Магическая Экспедиция

Елена Звёздная
Магическая Экспедиция
Серия «Долина драконов», книга 2
Серия «Звездное Настроение»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34709615
Магическая Экспедиция: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095267-0

Аннотация

Всегда помни – если ты безродная сирота, ты будешь виновата, даже когда просто уклонилась от чужого заклания. Всегда знай – обеды с главами разведывательных служб ни к чему хорошему не приведут, особенно если к вам за столик неожиданно подсядет Владыка драконов. Но всегда верь, что даже из самой безнадежной ситуации есть выход, пусть и ведет он в холодный, засыпанный снегами Горлумский лес. Вот только никогда – никогда! – не нарушай запреты Черного дракона. Иначе все предыдущие опасности покажутся тебе легким увлекательным приключением по сравнению с тем, что с тобой сделает Ирэнарн-Ррат-Эгиатар.

Елена Звёздная

Магическая Экспедиция

© Звездная Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

В Горлумском лесу, покрывавшем большую половину территории нашего королевства, среди древних, переживших не одно столетие деревьев, скрытые непроходимой чащей от королевских сборщиков налогов, прятались десятки маленьких деревушек. И прятались весьма успешно. Нет, изредка их обнаруживали, но вскоре вновь благополучно теряли, так как едва ли переведутся маги, готовые продать лесному жителю простейшую заплутайку или мощный отвод глаз. Государство же на своих сборщиках налогов экономило знатно, от того с поисковыми отрядами магов не отряжало ввиду дороговизны их магических услуг. Время от времени король издавал указ, по которому все граждане, имеющие сведения о «незаконных лесных поселениях», во имя долга перед родиной обязаны были донести эти самые сведения королевским чиновникам, аки птицы из долга родительского доносят пищу в клювиках своим птенцам. Но то ли народу не нравилось сравнение с птицами, то ли никто не любил про-

жорливых чиновников, в итоге сведения никто не нес.

В результате ситуация складывалась следующая: казна нищала, лесной народ богател, король, которому и так «призрак триждыпроклятый» досаждал, становился все печальнее и печальнее. Однако, вероятно, все оставалось бы по-прежнему, если бы не одно «но» – монарх был неистово, безумно и невероятно зол на главу королевского Университета Магии.

Зол настолько, что в один вовсе не добрый день в УМ приехал королевский посыльный, гордо въехал в университетский двор и попал в не слишком красивую ситуацию.

– Отребье, ты пожалеешь! – орал мне вслед Айван Горски, собирая энергию для удара.

Я ощущала ее привычным давлением в основании шеи, вызывающим непроизвольное желание сглотнуть, но даже не обернулась. Бояться Горски мне смысла не было – за два минувших месяца я, недосыпая ночами, вызубрила весь курс «Магии индивидуальной защиты», а потому, даже не особо напрягаясь, создала зеркальный щит, намереваясь активировать, как только Айван нанесет удар. Причем это далось настолько легко, что я даже успела полюбоваться на торжественный въезд гонца на территорию УМа и вежливо улыбнуться горделивому молодому человеку с напыженными усами и волнами явно магически уложенных кудрей.

И в этот момент Горски ударил со всей, удвоенной благодаря родовым артефактам, мощью. Стремительно оборо-

чиваясь, я активировала зеркальный щит, но не рассчитала и, поскользнувшись от резкого поворота, начала падать, чем исказила угол отражения. И наполненное энергией артефактов заклинание, отрикошетив от моего щита, угодило не обратно в Горски, а ударило прямиком в королевского гонца!

Айван, узрев это, взвыл в ужасе и поступил так, как поступал всегда при столкновении с любой опасностью, – бросился улепетывать. Да так, что только красные подошвы его щегольских сапог и сверкали... С перекошенными от ужаса лицами, от чего-то прикрыв уши, вслед за предводителем бросились и все его приспешники, и сочувствующие, и даже знакомые. А я как-то совсем запоздало поняла, что сбежавшие все сплошь были отпрысками придворных, просто побег был столь странным, а лица исполненными невыразимого ужаса, что и я, и присутствовавшие во дворе студенты не столь знаменитых фамилий были слишком удивлены, чтобы последовать здравому примеру аристократии.

Увы, мы остались. И даже с каким-то интересом, я так точно, уставились на застывшего королевского посыльного, который краснел, бледнел, багровел и смотрел на нас огромными округлившимися глазами.

– Чай, лопнет сейчас, – предположил Славен, подходя ко мне и протягивая руку.

– Не думаю, чтобы Горски направил в меня смертельно опасное заклинание, – принимая помощь и поднимаясь, сказала я. – Он все-таки списать хотел, а не стереть меня с лица

земли.

— Ну... тогда с чего бы им всем убежать? — полюбопытствовал парень, которому очень шла новая мантия. Всем стипендиатам новые выдали, но только Славену она действительно шла... Может, потому, что он был единственным, кому повезло и мантию выдали по размеру?

Я недоуменно пожала плечами и посмотрела на посыльного, а впрочем, все смотрели на него, не зная, чего ждать, и на всякий случай активировав щиты. Лично я ожидала чего-нибудь вроде ветряной сypi, того, что гонец покроется прыщами к примеру, лишится волос, зубов, на крайний случай, что рухнет на колени и начнет превозносить Горски на все лады. Айван просто очень любил себя и подобный способ ставить негодных на место.

Если бы я только знала...

Если бы только все присутствующие знали...

Если бы хотя бы мела привычная всем метель, валила с ног снежная буря, завывал бы буран и прочее — но нет, сегодня было совершенно ясное небо, а потому, когда над посыльным развернулось красноватое, подобное листу, присыпанному глиной, магическое полотно, его увидели все! Не только мы, но и те, кто находился на расстоянии трехсот шагов от университета. И все уставились на это призрачное полотно, сильно заинтересованные, однако с еще большим интересом подались вперед, когда на нем возникла надпись:

«Срочное секретное донесение его королевскому величе-

ству Умарху Третьему от восьмого яросня от верноподданного мага Гарнилиуса. Великий, истинный, святопомазанный, гениальнейший и умнейший, простите, сегодня я вынужден быть краток и не могу в полном объеме выразить вам свое восхищение и уважение, ибо сообщить должен – орден «Мучительной гибели всех драконов» требует от вас решительных действий, ваше величество. И знать желают, что там с тем ядом, экспериментальный состав коего вы передали магистру Аттинуру для испытания на гадах подлых из комиссии проверяющей. Издохли ли? Мучительно ли? Корчились ли поганые?»

В этот момент я поняла страшное – мы все трупы. Все, кто успел прочесть это, все, кто просто имел возможность увидеть эти строки из явно секретного послания для самого короля! Зато ни я, ни все присутствующие ни на миг не встревожились о драконах – магистр Аттинур просто совсем не враг самому себе, чтобы даже пытаться подсунуть яд драконам. И все, кто знал ректора нашего университета, могли головой ручаться – яд он во дворце несомненно взял, а потом осторожненько вылил где-нибудь в лесу, не доезжая до учебного заведения. Потому что не дурак и дураком никогда не был.

Так что драконы были в безопасности, и магистр Аттинур был в безопасности, а вот мы – нет! И те, кто не осознал этого, прочтя первый секретный документ, несомненно прозрели, увидев второй:

«Срочный секретный королевский указ: деревеньку Седые Веды сжечь дотла! Не жалеть ни баб, ни ребятишек! В происшествии обвинить богомерзкий Рассат». И подпись: «Умарх Третий». И дата: «восьмое яросня», то есть сегодня.

Вот после этого народ побежал. Да не то что побежал – ринулся врассыпную, осознав, что король сделает с теми, кому стало известно содержание секретных документов.

Я не побежала, понимала, что поздно, страшное уже произошло, а еще... еще откровенно говоря, даже немного порадовалась тому, что оно произошло. Деревня Седые Веды от нашей Переславенки в дне пути располагалась, так что мы с бабушкой по весне в нее на ярмарку ходили. Это была большая деревня, разбогатевшая за счет того, что граница княжества Рассат от нее через реку находилась, а потому зерно свое крестьяне не королевским скупщикам за медяки отдавали, а продавали рассатовским торговцам за полновесные серебряные монеты. И потому деревня росла, богатела, поля засеивались не высевкой, оставленной скупщиками из жалости после долгих просьб и молений, а качественным отборным посевным зерном, плуги и прочий инструмент так же крестьяне в Рассате закупали, а там хоть княжество и мелкое, но за качество стоят, и служил рассатовский скарб не одному поколению. Не то что в других деревнях, где крестьянин по четыре плуга за жизнь сменял, разоряясь каждый раз на покупку нового. И королю бы радоваться тому, что Седые Веды исправно налог платят, и не малый, но нет, нашему Умарху

жадность глаза застила, в итоге... А радовалась я вот чему – теперь, когда все известно стало, я понадеялась, что отменит он приказ свой, может, даже объявит, что клевета это, ложь и навет... Иначе ведь народ не глуп, сообразят люди, что очень уж странно однажды загорелись Козловы Кряжи. Огонь-то погасили, на людское счастье рассатовские маги там рядом как раз практику своим первогодкам-стихийникам устраивали, вот совместными силами ливень и организовали, а если бы не они...

А потом до меня дошла прописная истина – не станет король отказываться от своих планов из-за огласки! Потому что огласки никакой не будет – нас всех просто поубивают!

Но уже в следующую секунду я узнала – что таки нет, таки мы будем жить. Недолго и вряд ли хорошо, но будем.

Потому что на магическом полотне появилась новая запись, и гласила она следующее:

«Я, король Умарх Третий, милостью и величием своим повелеваю – привлечь студентов Университета Магии для составления карты поселений Горлумского леса!» Далее подпись, дата...

Стало окончательно ясно, что за заклинание применил Горски. На магическом полотне появлялось содержание всех документов, к которым, видимо, за последние дни прикасались королевский гонец.

Ну вот, собственно, после этого бежать уже вообще не имело смысла, и, отойдя к скрытой за деревьями скамье, я

села, кутаясь в плащ и в очередной раз мысленно поблагодарив Камали за такую потрясающую вещь – в этом плаще никогда не было холодно. Зябко по причине того, что ветер дул на лицо, но холодно – никогда. И в новых сапогах ноги никогда не мерзли, так что в зимнем саду на покрытой снежным настом скамейке я устроилась даже с комфортом, и принялась ждать.

Долго ждать не пришлось – не прошло и получаса, как ворота распахнулись и во двор университета въехал отряд королевских дознавателей. И рассмотрев неприязненный острый профиль возглавляющего кавалькаду, я с тянущей тоской, возникающей у каждого не желающего вляпываться в неприятности человека, узнала лорда Даметиса Энроэ, тайного, впрочем, ни для кого это тайной не было, советника короля. А вот рядом с ним, растрепавшийся, раскрасневшийся, с выражением гадкой, на мой взгляд, абсолютной услужливости, ехал Айван Горски и что-то беспрестанно говорил и говорил... Я догадываюсь что – меня во всем обвинял.

Догадка только подтвердилась, когда лорд Энроэ, резко повернув голову, посмотрел прямо на меня так, словно деревья и ветки ничуть не препятствовали его орлиному взгляду. Хотя... может, и не мешали, все-таки лорд Энроэ был магом, причем сильным магом, что и подтвердил – одним движением руки уничтожив рвущиеся на магическое полотно откровения. Сразу после этого королевский гонец рухнул с лошади в снег. Потом пала лошадь. А дознаватели в чер-

ном, словно стая налетевшего воронья, ринулись собирать всех, кто хоть что-то видел. Поэтому я ничуть не удивилась, когда фигура в угольном, развевающемся на поднявшемся ветру плаще, направилась ко мне. Скорее испытала удивление, когда при приближении дознавателя стало ясно, что это сам Энроэ.

И если бы в присутствии любого другого дознавателя я бы осталась сидеть, то лорд Энроэ – совсем другое дело. Поднявшись, склонилась в реверансе. Не уверена, что правильном и грациозном, все-таки деревенщины мы, пусть и с лучшими баллами по этикету и придворным манерам, но кровь не вода, и все такое.

– Госпожа Милада Радович, – раздался глубокий, низкий, профессионально вкрадчивый голос, – мое имя лорд Даметис Энроэ.

Я в этот момент очень понадеялась, что все допросы будут проходить в университетских помещениях, потому как слышать подобный голос в гулких застенках королевской тюрьмы, наверное, совсем жутко.

Выпрямившись после представления, я пронаблюдала не слишком почтительный поклон лорда и, к сожалению, имела несчастье разглядеть мага вблизи. Лорд Энроэ не был молод, на вид ему было что-то около сорока – сорока пяти, сеть иссушенных ветрами морщинок покрывала большую часть его лица, острый нос вызывал не менее неприязненное впечатление, чем колючий взор глубоко посаженных темно-ка-

рих глаз, губы были плотно сжаты, с морщинками вокруг, намекающими на привычку лорда всегда издевательски ухмыляться. Я слышала, он любил поиздеваться... в прямом смысле этого слова.

Лорд Энроэ, выдержав паузу, протянул руку к скамье, что привело к мгновенному исчезновению на ней снежного налета, и предложил:

– Присаживайтесь, госпожа Радович.

– Благодарю вас, – отозвалась я, ну и присела как можно дальше от стоявшего дознавателя – на самый край скамьи, чем вызвала неприятную усмешку.

Однако лорд сел, не делая попытки приблизиться, левую руку закинул на спинку скамьи, правой извлек маленький карманный блокнот и тонкий черный карандаш. Положив блокнот на колено, демонстративно вписал мое имя, и началось:

– Как вам, вероятно, известно, я являюсь дознавателем, госпожа Радович.

– На это недвусмысленно намекает ваш плащ, – тихо заметила я.

Лорд окинул меня внимательным взглядом, кивнул и продолжил:

– И прибыл сюда с целью разобраться в происшествии, виновницей коего являетесь вы.

Я открыла было рот... и тут же его закрыла. Ну естественно я, кто же еще! Учитывая, что Айван Горски сломя голову

помчался тут же доносить о случившемся, он проявил себя как истинный сын королевства, а я вообще осталась на месте преступления, как, собственно, преступник, желающий насладиться последствием своей противозаконной деятельности.

Судорожно вздохнув, обреченно уточнила:

– То есть все обнародованное магическим информационным полем – это плод моего больного воображения, а король никогда, вообще никогда ничего подобного не писал даже в мыслях?

– Вы умная девушка, госпожа Радович, – высказал своеобразную похвалу лорд Энроэ.

«Да нет, просто слишком хорошо знаю, кого в таких случаях делают крайним», – подумала я, но говорить не стала.

Где-то в глубине души начала зарождаться, к сожалению, вполне обоснованная паника, я поняла, что меня ждет масса всего унижительного и неприятного, надеялась только, что, ввиду королевской необходимости составления карты поселений Горлумского леса, мне сохранят жизнь. Очень надеялась.

– Где и что подписать и в какой форме я должна буду принести извинения королю, короне и отдельно Айвану Горски? – тяжело вздохнув, спросила я.

Лорд Энроэ усмехнулся, закрыл блокнот, убрал в карман вместе с карандашом и насмешливо проговорил:

– Приятно видеть в столь юной девушке столь неожидан-

ные ум и проницательность.

И вдруг иным, практически светским тоном дознаватель осведомился:

– Что вы делаете сегодня вечером, госпожа Радович?

Настороженно глядя на него, напряженно ответила:

– Зависит исключительно от вас, лорд Энроэ.

Мужчина усмехнулся, кивнул и сделал странное заявление:

– Мы несомненно поладим, госпожа Радович.

После чего поднялся и уверенным шагом человека, обладающего всей полнотой власти и неизменно этой властью пользующегося, направился к гонцу, которого уже подняли на ноги, и нетерпеливо ожидающему Айвану Горски, стоящему в группе других дознавателей.

Я тоже поторопилась покинуть двор, но старалась идти по тропинкам через заснеженный сад, чтобы не попадаться никому на глаза. Было обидно и горько вляпаться в столь существенные неприятности из-за такой мелочи. Все дело в том, что я не дала Горски списать. Всего лишь не дала списать! Триединый, у него семь репетиторов, неограниченное количество денег на учебники и возможность, которой никогда не будет у меня, – проконсультироваться с преподавателем! Он мог бы подготовиться в сто раз лучше, чем я, но... предпочел потратить имеющееся в его распоряжение время на безуспешное ухлестывание за новой примой Королевского театра. По слухам, витающим в университете, он осыпал до-

рогу перед ее домом лепестками роз, потратил фантастические средства на покупку изумрудов, под цвет глаз прекрасной актрисы, и ночами упражнялся не в магии, а в написании стихов о ее неимоверной красоте.

Горски, который, кстати, теперь, когда я носила жемчужину от воздушника, позволяющую видеть сквозь иллюзии, оказался не столь привлекателен, как был раньше, как, впрочем, и многие иные представители древнейших родов, ходил по университету со скорбным видом, чем приводил в умиление девушек и вызывал чувство мужской солидарности у парней. Но ни того ни другого не возникло у преподавателей, когда на трехступенчатом пробном экзамене Горски завалил сначала тест, затем практическое задание. И теперь от исключения из университета его могло спасти только эссе на заданную тему. И вот вопрос – чем занялся студент, находящийся на грани отчисления и обладающий всеми возможностями для написания работы?! А ничем! Он продолжил волочиться за актрисой, а сегодня, за день до сдачи работы, после окончания занятий подплыл ко мне вальяжной королевской походкой и потребовал предоставить ему мою работу, дабы он мог «проверить ключевые моменты». Я на это ответила скромным: «Сама проверила». Он в ответ насмешливо заявил: «Да что ты можешь?» Я ответила: «Все, что могу, – все мое, и на чужое, в отличие от некоторых, не претендую». И вот тогда Горски, озверев, потребовал дать ему списать. Я ответила отказом, собралась и сбежала во двор. Он догнал...

и случилось то, что случилось.

И теперь нужно было думать, что с этим всем делать. Хотя что тут думать — дальнейшее зависело исключительно от лорда Энроэ. И тут я могла лишь предполагать, что меня ждет. Гарантировать же могла только одно — Горски, несомненно, потребует, чтобы я извинилась перед ним максимально постыдным и принародным способом... Вероятнее всего, в зале собраний и на коленях, чтоб его!

Остановившись, запрокинула голову и, глубоко дыша, посмотрела в небо. Небо начало затягиваться тучами и грозило разразиться снежной бурей к ночи.

Постояв, подуспокоилась, взяла себя в руки и пошла дальше. Так, принародное унижение я выдержу, не знаю как, но выдержу, выбора у меня нет. А вот что будет дальше, уже вопрос... То, что меня обвинят в происшедшем, — сомнений нет, сомнения имеются лишь в том, какое наказание изберет лорд Энроэ. А в его власти практически все — от заключения в тюрьму в том случае, если мне вменяют покушение на гонца, до казни на королевской площади, если лорд-дознаватель решит инкриминировать покушение на честь и достоинство короны.

Остановилась снова. Постояла, держась за дерево. Хотелось расплакаться и от досады, и от обиды на судьбу, волей которой именно в этот момент во двор въехал королевский гонец, на Горски, у которого не хватило ни ума, ни достоинства, чтобы готовиться самостоятельно!

И не успела я дойти до здания университета, как над всем учебным заведением раздался заунывный голос Овандори:

«Всем студентам немедленно собраться в зале собраний, приказ ректора».

Началось.

Стараясь даже не думать о том, что меня ждет, я торопливо свернула к жилому корпусу, поднялась по лестнице и, пройдя мимо разноцветных, разукрашенных сердечками, цветочками и блестящими камешками из горного хрусталя дверей, дошла до единственной простой деревянной двери. Присмотревшись к ней, привычно деактивировала тройку мерзких заклинаний типа «Ногтевая сыпь», достав из кармана салфетку, осторожно взялась за ручку, и не зря – ее в очередной раз измазали ваксой, и только после этого открыла и вошла в свой маленький волшебный край. Моя комната. Моя целая комната, с двумя окнами и нормальной кроватью. На втором этаже, и не под крышей, где всегда или убийственно холодно, или столь же убийственно жарко. И пусть с маленьким, но душем прямо в прилегающей уборной. Это была самая скромная комната на этаже, но для меня она была просто великолепна.

Сняв плащ, повесила его на вешалку в угол, под ним разместила сапоги, переобувшись в туфли, учебники сложила на полки в шкаф, свое эссе, как и прочие научные работы, предусмотрительно спрятала под доской в полу – мою комнату взламывали уже трижды, пытаясь отобрать то, что сами

делать никак не хотели. Причем в первый раз, когда украли курсовую и две контрольные, преподавателей совершенно не смутило то, что у сданных им работ на титульном листе было зачеркнуто мое имя и вписано «Ивлин Дарски». Просто попросили данного студента в следующий раз аккуратнее оформлять работу.

Именно после этого случая я начала совершенствовать защитную и охранную виды магии и устроила целый сейф в полу, потому как стены эти... нелюди простукивали, а вот о возможностях полов не догадались пока.

И только после, усилив защитные плетения, я, на ходу поправляя мантию и волосы, поспешила на место экзекуции. Несомненно, меня ждала очень впечатляющая экзекуция, максимально болезненная для моего самолюбия. Хотя... о каком самолюбии может идти речь, если дело касается сироты столь непрезентабельного происхождения, что для меня величайшим благом должно быть любое предложение лежа и защиты?

Непонятно каким образом, но студенты уже знали о случившемся. Вслед мне летели оскорбления, а в глаза мне откровенно усмехались, громко и подробно смакуя предстоящее. И да – большинство, как и я, пришло к выводам, что Горски обязательно заставит меня встать на колени, некоторые, правда, гарантировали, что еще и сапоги его целовать потребует.

Зал собраний гудел, как растревоженный улей.

Ярко освещенный укрепленными на стенах факелами и магическими светильниками, принявшими вид полупрозрачных свечей, он был забит студентами до отказа, но, когда я появилась, все издевательски расступились, образуя для меня своеобразный путь на плаху. Горски уже стоял там – горделивый, откровенно ухмыляющийся, вставший на первую ступеньку, ведущую на высокий, огражденный парапетом постамент, на котором уже собрались преподаватели. Магистр Аттинур, заметив меня, скривился, как от зверски кислых ягод, и повернулся к драконам. Их было пятеро – двое в черных мундирах, один в белой, сверкающей словно сотворенной из снега мантии и еще двое в серебристых мантиях, оба с символикой дома Владыки на воротниках. Драконы в мантиях были магами, причем снежный, насколько я поняла из разговоров между студентами и преподавателями, являлся невероятно сильным, и вот все они трое исследовали лаборатории и тайные библиотеки университета. Драконы же в черных мундирах были чем-то вроде дознавателей – они везде ходили совершенно беспрепятственно, проверяли охранные заклинания по периметру университета, и из-за них практически полностью прекратились любые издевательства над бедными студентами. То есть нас по-прежнему

презирали, нам устраивали разного рода пакости, но никаких больше избиений, никакого физического вреда, никаких «случайно» опрокинутых столов, стульев, подносов с едой и прочее.

Просто никто из наших прежних мучителей не хотел больше в момент издевательств вдруг оказаться подвешенным за ногу посреди все той же столовой. И драконы не делали различий между парнями и девушками, как сказал халоне Зэрнур, старший из черных: «У мерзости нет пола». Произнес он это в тот эпический момент, когда вылившая на меня остатки супа Айдалин Ванески, двоюродная племянница короля, истошно верещала, вися вниз головой, удерживаемая драконом за лодыжку, а ее жених Вилиан Раймс настаивал на освобождении нареченной, мотивируя тем, что это же девушка. В результате дракон продержал ее почти четверть часа, после чего, разжав пальцы, обеспечил вовсе не бережное возвращение практически принцессы на землю. И что за подобное обращение с особой королевской крови было драконам? А ровным счетом ничего. Говоря откровенно, если бы даже Зэрнур голову ей оторвал, ему бы ничего за это не было, и даже самые напыщенные аристократы прекрасно об этом знали. К слову, драконам можно было пожаловаться, и я знала, что и Славен, и Тихомир, да и остальные из стипендиатов не раз уже подходили к черным, и те вмешивались в случае необходимости, Тихомиру вообще курсовую вернули где-то месяц назад... Но я за помощью никогда не обра-

щалась. Привыкла со всем разбираться сама, да и... напутственные слова Главнокомандующего до сих пор жгли каленым железом.

И в этот момент появился лорд Энроэ.

Вошедший через служебные двери дознаватель подошел к парпету, все студенты тут же притихли, заинтересованно поглядывая на меня, на выпячивающего грудь Горски и на дознавателя. Все с азартом предвкушали расправу, втайне надеясь, что она будет кровавой. Горски предвкушал так же и, пользуясь тем, что я стояла недалеко, громко шепнул мне: – Готовься вылизывать мои сапоги, Радович.

Искренне надеялась, что до этого не дойдет – драконы же здесь. Могли бы не появляться, да их и не ждал никто, но раз они пришли, то до поцелуев сапог Айвана дело точно не дойдет. На колени скорее всего поставят, но, надеюсь, этим ограничится. Как, к примеру, Горски ограничился требованием дать списать, а раньше просто отобрал бы работу, и дело с концом.

– Гхм, гхм! – прочистил горло лорд Энроэ, попутно призывая всех к еще более подчеркнутому вниманию. – Сегодня, – начал он, пристально вглядываясь в каждого присутствующего студента с таким видом, что любой попавший в поле зрения дознавателя мгновенно чувствовал себя виновным в чем-то определенно противозаконном, – в старейшем учебном заведении нашего королевства, – он снова обвел всех пристальным взглядом, – случилось нечто, выходящее

за рамки собственно университета и бросающее тень на достоинство и честь его величества!

Только не это! Триединый, они вменяют мне покушение на честь короны...

Отчаянный стон я не сдержала, и это сильно порадовало стоящего невдалеке Горски. Он вообще просто сиял и лучился довольством. А я прилагала невероятные усилия, чтобы вести себя спокойно, и старалась не думать, как из всего этого буду выкручиваться.

И тут над всеми студентами УМа прозвучало неожиданное:

– Студент Айван Горски, используя заклинание искажения реальности и проецирующее плетение «Вестник», опираясь на мощь всех родовых артефактов, нанес удар по студентке Миладе Радович с целью дискредитировать и впоследствии завладеть ее научной работой.

В зале Вестей стало очень тихо. Настолько тихо, что оказалось слышно, как где-то возле запотевшего стекла жужжит последняя выжившая муха. И наверное, к ее жужжанию прислушалась не только потрясенная я, но и все присутствующие.

А с лица Горски медленно сползла самодовольная ухмылка.

Лорд Энроэ же продолжил:

– Крайне неприятно осознавать, что подобная практика, вероятно, вполне поддерживалась преподавательским составом.

вом университета...

– Я бы вас попросил! – взвился магистр Аттинур.

Но, совершенно проигнорировав его, дознаватель продолжил:

– ... поддерживалась преподавательским составом университета, на что прямо намекает наглость и апломб, с которыми Горски приступил к реализации задуманного. И полагаю, достиг бы желаемого, не появившись во дворе университета королевский гонец, принявший на себя удар заклинаний, что привело к обнародованию искаженной и порочащей корону информации!

Горски пошатнулся.

Я застыла.

Студенты не знали, как на все это реагировать. Драконы с явным интересом посмотрели на лорда Энроэ. Лорд Энроэ выразительно посмотрел на меня... Очень выразительно. Просто до крайности выразительно. И я поняла, что у меня проблемы. У меня значительные проблемы. Гораздо хуже, чем те, что могли бы последовать, поступи лорд-дознаватель в соответствии с правилами возглавляемой им службы.

* * *

Собрание продлилось еще довольно долго. Пытались оправдаться преподаватели, брались подписи о неразглашении «заведомо ложной» информации со студентов, налага-

ли печати молчания дознаватели. Нас продержали в душном зале до десяти вечера, заставив нервно думать о том, что надо же было еще успеть выполнить заданную на дом работу. И лишь в начале одиннадцатого отпустили.

Меня студенты теперь обходили стороной, не приближались даже Славен с Тихомиром, зато, как выяснилось, именно меня ожидал один из дознавателей неподалеку от входных дверей.

– Милада Радович, – он шагнул ко мне, пугая всех окружающих, – с вами хотят побеседовать. Накиньте плащ.

Молча кивнула.

И все так же медленно и заторможенно направилась к себе в комнату, понимая, что, если сказали накинуть плащ, значит, беседа будет не в университете... что совсем плохо.

В комнате сняла мантию, оставшись в платье, подаренном Камали, переобулась, набросила плащ и уже хотела выходить, когда раздался стук в двери. Несколько удивленная визитом, подошла, распахнула створку и вздрогнула, увидев дракона. Зэрнур молча окинул меня взглядом, выразительно посмотрев и на сапоги, и на плащ, затем заглянул мне в глаза и хриплым драконьим голосом, в котором грохотом отдаленной грозы слышалось глухое рычание, спросил:

– Леди Милада, вам нужна помощь?

Первой реакцией было: «Да, очень нужна!» Я даже кивнула, подтверждая то, насколько сильно нужна, но затем...

– Нет, спасибо, все хорошо, – солгала дракону.

Запоздало вспомнила, что драконы чувствуют ложь.

Но Зэрнур промолчал, принимая мой ответ, и сухо произнес:

– Вы всегда можете воспользоваться блокнотом.

Затем развернулся и молча ушел.

А я точно знала, что никогда ничего не буду писать в этом блокноте. Никогда и ничего.

«Я не желаю вас больше видеть! Никогда, никоим образом, ни даже по самой обоснованной причине!»

И я намеревалась исполнить желание Черного дракона.

* * *

На улице разразилась буря, все выло, гудело, ветер сбивал с ног, и мой сопровождающий был вынужден несколько раз поддержать меня, не давая упасть. А потом как-то вдруг среди бурана возникла карета и распахнулась дверь в освещенное магическим камином пространство, откуда мне протянули руку. Не решившись отказаться, осторожно вложила пальцы в раскрытую ладонь, и меня практически втянули в карету.

Предложенный лордом Энроэ платок пришелся очень кстати – снег облепил мое лицо ледяной маской, застрял в ресничках, пришлось долго и старательно вытираться.

Карета тронулась, едва я села, но, пока занималась собой, не сразу обратила внимание, что мой провожатый остался

во дворе университета и сейчас в карете находились только я, лорд-дознаватель и магический камин, согревший воздух настолько, что плащ уже можно было расстегнуть и снять, как поступил сам лорд Энроэ – его одежда лежала в углу сиденья. Но я раздеваться не стала.

– Как вам моя сегодняшняя речь, госпожа Радович? – едва я завершила с приведением себя в порядок и взглянула на него, поинтересовался тайный советник короля, откинувшись на спинку сиденья и глядя на меня внимательным, пристальным, изучающим взглядом.

– Она была впечатляющей, – вынужденно признала я, в свою очередь вглядываясь в лорда Энроэ. Дело в том, что на нем оказалась иллюзия. Искусно выполненная, маскирующая далеко не все морщины на его лице и делающая само лицо немного более... привлекательным?! Точно сказать не могла. Благодаря жемчужине воздушника я отчетливо видела только реальность, а вот иллюзия была призрачной, не совсем четкой.

– Что-то не так, госпожа Радович? – спросил несколько напряженно дознаватель.

Лгать ему я посчитала не слишком умным делом, вероятно, на лорде с десятков амулетов, реагирующих на ложь, а потому честно ответила:

– Вы несколько изменились.

И проследила за тем, как реальное лицо лорда Энроэ дернулось от ярости, в то время как иллюзия оставалась пол-

на благостного расположения. И реальность вскоре идеально сымитировала ее же, а сам лорд снисходительно произнес:

– Девушкам всегда свойственно приукрашивать своих спасителей. Но я рад, что стал выглядеть привлекательнее в ваших, несомненно, очаровательных глазах.

«Своих спасителей»?! Я внутренне похолодела. Значит, лорд Энроэ желает, чтобы я восприняла случившееся именно так – как благородное спасение, а вовсе не как торжество справедливости... Хотя в этом он прав, ну о какой справедливости может идти речь в нашем королевстве для таких, как я...

Между тем лорд Энроэ продолжил светскую беседу, спросив:

– Какую кухню вы предпочитаете, госпожа Радович?

– Университетскую, – вполне серьезно ответила я.

Снисходительная улыбка стала чуть шире, и дознаватель произнес:

– Понимаю, у вас не было возможности сравнить с чем-либо. – Улыбнулся и добавил: – Мы исправим это упущение.

Мне очень хотелось бы ответить решительным «Нет!», попросить остановить карету и выпустить меня. Хотелось бы... но я осталась сидеть, молча и настороженно глядя на дознавателя. Лорд Энроэ улыбнулся и произнес:

– Вы часто бывали в столице?

– Несколько раз, – нехотя ответила я.

– Полюбили этот город?

– Едва ли.

– Полюбите.

И усмешка, которая не оставляла даже сомнений в том, что меня будут настоятельно пытаться заставить его полюбить.

Дальнейший путь мы проделали молча. Я, печально размышляя над способностью лорда Энроэ несколькими совершенно общими фразами предельно точно обозначить ситуацию, и дознаватель, который не считал нужным скрывать, что весь путь разглядывал меня.

Вскоре карета остановилась, дверца распахнулась, и подчеркнуто радушный голос произнес:

– Добро пожаловать в «Жемчужину моря», лорд Энроэ! Приготовить ваш столик?

Тайный советник короля, насколько мне известно, один из десятка столь же тайных, задумчиво посмотрев на меня, ответил:

– Нет. Приватный.

– Как вам будет угодно! – после некоторой удивленной заминки ответил дворецкий.

Лорд Энрое поднялся и, уже стоя на ступеньках, протянул мне руку. Очень не хотелось принимать его помощь. Очень не хотелось вообще выходить. Все эти взгляды, намеки и «приватный кабинет» вызывали вполне обоснованные опасения. И если в ситуации с Главнокомандующим я не могла допустить даже мысли о каком-либо интересе с его стороны,

то в отношении дознавателя все было иначе. Да и репутация у этого человека имелась вполне соответствующая.

И все же я подала руку, молча последовала вслед за ведущим нас дворецким, безропотно позволила снять с себя плащ и, практически не поднимая головы, шла рядом с Энроэ, пока нас вели к одной из частных кабинок.

Но каково же было мое удивление, когда вдруг на всю ресторацию раздался истошный крик:

– Миладка!

Искренне изумившись, я повернулась на звук и едва рот не открыла, увидев компанию молодых дракониц. Дракониц! Здесь, в столице, под... под человеческими личинами. Я не сразу обратила внимание на иллюзию, но она была, и казалось, что за столиком сидят не три удивительно-прекрасные драконицы в традиционных драконьих узких шелковых платьях, а три столичные модницы в изысканных туалетах с напыженными белокуроыми витыми локонами, удерживаемыми бантами.

– Да, – воскликнула вторая драконица, – это точно Милада!

И первая из дракониц ринулась к нам, своим иллюзорным, но при этом вполне материальным платьем сдвигая стулья на пути, чуть не сбив двух подавальщиков. И в итоге, окутав ароматом цветочных духов, драконица стиснула меня в объятиях, голося на всю ресторацию:

– Миладка! Так и знала, что найду тебя сегодня! А они

не верили!

Она отстранилась, держа меня за плечи на вытянутых руках, всмотрелась в мое лицо, в мои глаза и выдала еще более торжествующее:

– Точно ты!

После чего воззрилась на лорда Энроэ, похлопала ресничками, причем у иллюзии они были втрое больше, чем настоящие, и промурлыкала:

– Искренне прошу прощения! Надеюсь, вы не будете против, если мы похитим вашу спутницу на несколько мааааленьких, крооооооохотных, быстротечных... часиков. Вы ведь не против, правда?

– Я... – начал было гневно дознаватель.

– Такой душка, – пропела драконица, идеально имитируя столичных кокеток.

И с истинно драконьей силой и скоростью уволокла меня, прежде чем оторопевший лорд Энроэ смог сказать хоть что-то.

А затем, притащив меня к столику, она крикнула для начала: «Подавальщик, дополнительный стул и приборы нам», силой усадила меня на чье-то место возле себя, повернулась к драконице, чем-то отдалено на нее похожей, и сказала:

– Видишь, я была права, мы ее встретили!

– Невероятно! – высказалась третья драконица, во все глаза глядя на меня.

Вторая же, резко выдохнув, тихо произнесла:

– Эмали, стой, ты, наверное, до смерти ее перепугала, она же думает, что мы... люди.

– Нет, – тихо возразила я, – я вижу, что вы драконы.

Все трое уставились на меня, а затем та, которую называли «Эмали», издав радостный возглас, выдала:

– Ты потрясающая!

Не могла с этим согласиться и в целом не понимала, что происходит.

В этот момент подошел подавальщик, принесший дополнительный стул, который рядом со мной поставил, сдвинул на новообразованное место столовые приборы и чей-то недоеденный внушительный кусок мяса, передо мной поставил приборы и вежливо осведомился:

– Что леди будет заказывать?

– Я, я знаю! – воскликнула Эмали. – Так, она будет нежирную рыбу, лучше запеченную, салат из морских водорослей, рыбный салатик и отварные овощи. Она же маг, вы знали?

– Учту, – поклонился подавальщик и ушел.

А я... уже вообще ничего не понимала.

И явно догадавшись об этом, вторая драконица протянула руку, накрыла мою дрогнувшую ладонь и негромко сообщила:

– Мы твои сестры, Милада. Это Эмали, она младшая... была до тебя, теперь ты мелкая будешь. – Она улыбнулась: – Я – Ирида, можешь называть Иллита, мое детское прозвище со времен, когда Эмали еще не все звуки правильно выгова-

ривала, а это Хатиа, наша подруга.

Вот после такого я была слишком потрясена, чтобы сказать хоть что-то.

– Успокойся, все хорошо, – поспешила заверить Ирида.

И я только сейчас поняла, что она удивительно похожа на Камали, только оттенок глаз желто-зеленый, как у Хатора.

– Я, я, я ее нашла! – пританцовывая, пропела Эмали. И тут же прошептала: – Только учти, маме с папой не рассказывать, они нас прибудут, если узнают, что мы за границу перелетали.

– Х-хорошо, – неуверенно ответила я.

Но потом! Потом до меня дошло, что три молоденькие драконицы находятся в человеческом королевстве!

– Вам лучше улететь! И сейчас! Это опасно!.. – перепугавшись, начала было я.

Хатия вдруг тихо рассмеялась и, подавшись ко мне, уточнила:

– Ты что, за нас переживаешь? *Ты* за нас? Ты...

– Еще раз на нее так «тыкнешь», и я тебе глаза выцарапаю, – вдруг очень спокойно произнесла Ирида. Совершенно спокойно, но так, что стало ясно – выцарапает, без вариантов. И казавшаяся легкомысленной Эмали, повернув голову к третьей драконице, так же убийственно спокойно произнесла:

– Еще раз, Хати: Милада – наша сестра. Оскорбление нашей сестры – оскорбление рода. Тебе все ясно?

– Да что вы взъелись?! – возмутилась та, нервно поправив волосы. – Я имела в виду «ты» – человек. Просто ну она же слабенькая, не то что мы, драконы.

– Она не слабенькая, – надула губки Эмали, – маленькая еще просто. Ничего, папа откормит.

– О, Эми! – Хатиа демонстративно закатила глаза. – Милада удивительная и потрясающая, тут я не буду спорить. Все-таки суметь воззвать древнего к жизни может только очень чистая, светлая и искренняя душа, а после того, как мой братик... – Хатия судорожно вздохнула, вытерла набежавшие слезы и продолжила менторским тоном: – Но после девятнадцати лет люди не растут, уясни уже.

– Ты просто не знаешь, как папа умеет откармливать! – парировала Эмали.

Затем повернулась ко мне и мягко произнесла:

– Не переживай, мы не одни, это, во-первых, а во-вторых, с нами Рдан.

Она произнесла это имя так, словно оно должно было что-то значить, но...

– Ничего не понимаю, – честно призналась я.

Драконицы переглянулись, Ирида посмотрела на сестру и милостиво разрешила:

– Рассказывай.

– Да она два часа будет рассказывать! – возмутилась Хатия. И выпалила: – Мы с Эмали учимся на факультете Шестого ветра. Мы – интуиты, чувствуем мир немного лучше,

чем другие драконы, в редких случаях способны предсказывать некоторые события. И сегодня на традиционной медитации у Эмали было видение.

– Я увидела тебя! – воскликнула та, явно обиженная поступком подруги, не давшей ей самой все рассказать. И продолжила гораздо тише, с тревогой глядя на меня: – Ты была очень грустная, подавленная и беззащитная. И одинокая-одинокая. И я всем сердцем почувствовала, что тебе нужна помощь...

Эмали осеклась, словно вдруг соотнесла свое видение с тем, как я появилась в этой ресторации, резко оглянувшись, и я, проследив за ее взглядом, увидела лорда Энроэ, явно ожидавшего меня за столиком у окна. Я так понимаю, за его столиком, вряд ли это можно было назвать приватным кабинетом.

– Милада, кто этот человек? – прямо спросила Эмали, вновь посмотрев на меня.

Я не ответила, откровенно говоря, потому что не знала, что вообще можно ответить в данной ситуации.

– Эмали нашла меня, – продолжила рассказ Ирида, – я слетала к любимому на работу, к счастью, Нарих был в кабинете у Рдана, и тот с интересом воспринял идею прилететь сюда.

Хатия, обернувшись, посмотрела на лорда Энроэ, потом вновь развернулась к нам и, глядя на меня, тихо сказала:

– Я могу точно сказать, что этот человек испытывает к те-

бе двойственный интерес. Один – интерес мужчины к женщине, у этого интереса оттенок подавления и принуждения, но лишь оттенок. Второй – профессиональный, и тут уже оттенков нет. Он собирается и подавлять, и принуждать, и контролировать.

– Я ощущаю то же самое, – отозвалась Эмали. – Разве что могу добавить – первый интерес конечен, у второго конца нет, и я не знаю почему.

Я знала – из тайной службы не увольняются. Ты работаешь там постоянно, или же тебя выносят вперед ногами, третьего не дано. Нужно же было так вляпаться!

– Милада, – осторожно позвала Ирида.

Я тут же посмотрела на нее, но мыслями была далеко. Очень далеко... за столиком рядом с лордом Энроэ, мучительно осознавая тот факт, что дознавателю не составило труда понять, каким именно образом я отразила атакующее заклинание Горски. А так как на место происшествия они прибыли практически мгновенно, остаточный фон потревоженной магии явно позволил им и мой уровень способностей оценить. А они благодаря древнему возросли, и основательно. И вот теперь я как одаренный маг уже явно представляла интерес для организации лорда Энроэ – он просто на работу брал лучших и сильнейших.

Что ж мне теперь делать?

Вообще, свой увеличившийся резерв я благоразумно скрывала, не видя смысла привлекать внимание, а сегодня

просто использовала все, что могла, ожидая, что удар Горски будет внушительным. К тому же это был только щит, его энергообъем вычислить сложнее, я даже мысли не допустила, что кто-то за такое возьмется...

– Миладочка, не переживай так, – подалась ко мне Эмали, – ты теперь одна из нас почти, пусть только попробуют что-то сделать!

А ведь смогут...

Что касается лорда Энроэ, так он точно сможет.

Я вздохнула, посмотрела на дракониц и тихо рассказала:

– Лорд Энроэ – менталист. При большом желании он способен перепрограммировать сознание мага и внедрить в его мозг навязчивую цель, подпитываемую неиссякаемым эмоциональным напряжением, что сделает ее преобладающей над всеми иными суждениями и даже инстинктами, к примеру такими, как инстинкт выживания.

– Не поняла, – честно призналась Хатия.

Эмали тоже явно ничего не понимала. Зато Ирида, прищурив желто-зеленые драконьи глаза, задумчиво предположила:

– Если этот человек узнает о том, что ты желанный гость в Долине драконов, он сможет заставить тебя причинить вред, к примеру... Владыке, и сопротивляться его приказу ты не сможешь?

Я кивнула.

– Оооо, – протянула Эмали.

– Какой ужас, – выдохнула Хатия.

И в этот момент дверь распахнулась и в зал ресторации вошла группа молодых драконов. И если бы незнакомых...

Я едва со стула не рухнула, взглядевшись в одного из них, на котором сверху сияла иллюзия человека, и это был высокий светловолосый худощавый парень, тощий, как жердь, я бы сказала. И ладно бы это, но под иллюзией человека имелась еще одна... и вот если смотреть на нее, то можно было разглядеть высокого, темноволосого, с узкими глазами и хищными чертами лица дракона... Но в том-то и дело, что это тоже была иллюзия! А вот под ней скрывался Владыка!

Настоящий Владыка Долины драконов собственной персоной!

Значительно превосходящий размером обе свои иллюзии, внушительный, жуткий, с полуулыбкой, заигравшей отнюдь не на призрачных губах, едва Гаррат-Ррат-Эгиатар увидел меня.

Моим первым желанием было подскочить и броситься прочь.

Вторым – хотя бы встать со стула.

Третье возникнуть не успело. Обогнав своих спутников, Владыка подошел, ненавязчиво положив тяжелую ладонь мне на плечо, заставил сидеть на месте, просто лишив возможности подняться, и певучим мягким голосом поинтересовался:

– Эмали, очаровательная, это и есть ваша названная сест-

ричка? Милада, если не ошибаюсь, да?

Сияющая драконица, восторженно глядя на него, ответила:

– Рдан, вы с первого раза запомнили ее имя, вы такой внимательный! – А затем без перехода и явно не понимая, что несет, сообщила: – Но еще пока не сестричка, вы же знаете, этот треклятый Владыка так и не подписал документы.

– Негодяй! – с жаром воскликнул... собственно «треклятый Владыка». – Как он мог?!

То, что мои глаза округлились, я ощущала физически. Как, впрочем, и пальцы дракона, сжавшиеся на моем плече и явно призывающие молчать в тряпочку. Естественно, молчать, осознавая, что Эмали оскорбляет правителя, практически глядя ему в глаза, я бы не стала, но... но тут Владыка, истинный, а не иллюзия, что продолжала стоять рядом ровно, наклонился и прошептал у самого моего уха:

– Сладенькая моя, ты же понимаешь – вскрыется правда, и всей этой чудесной компании придется нести ответ за оскорбление представителя Правящего рода.

Да, без проблем, я буду молчать столько, сколько понадобится. Понять бы еще, для чего ему все это надо.

Владыка же продолжил не менее гневно:

– Как он мог не удовлетворить столь скромную просьбу!

– Вот и мама сказала примерно то же самое, – вздохнула Ирида.

– Только сначала костерила эту прогнившую насквозь

правлящую чешую на чем свет стоит! – добавила Эмали.

Я застонала.

Не то чтобы громко и явственно, но проникновенно очень. Мне вняли, правда не так, как следовало.

– Миладушка, не переживай, – затараторила Эмали, – Владыка обязательно все подпишет, вот как только найдет-ся, так все и подпишет.

Стонать я перестала в то же мгновение, удивленно посмотрела на младшую драконицу и тихо переспросила:

– Что? В каком смысле «найдется»?

– В прямом, – к столику подошли другие драконы, – Владыка исчез, оставив записку с примерным содержанием «Доставили», и скрылся в неизвестном направлении, бросив Долину на Главнокомандующего, что не слишком хорошо...

Сказавший все это высокий темноволосый дракон в темно-зеленом строгом костюме в оригинале и заливчатской потрепанной одежде на иллюзии обошел столик и сел рядом с Иридрой, нежно взяв ее за руку. Смутившаяся драконица, мило улыбнувшись своему дракону, представила его мне:

– Милада, познакомься, это мой будущий муж Нарих. – А затем уже ему: – Любимый, это моя младшая сестричка Милада.

– Я понял, рад встрече с новой родственницей. – Дракон, однако, смотрел на меня достаточно холодно и, я бы даже сказала, несколько враждебно.

Сразу стало ясно – мне он не рад совершенно.

Остальные двое сели также возле своих пар – дракон со светло-пепельными волосами и совершенно золотым цветом глаз рядом с Хатией, дракон с забавными каштаново-черными прядями волос и карими глазами устроился рядом с Эмали, но в отличие от двух других не прикоснулся к девушке и пальцем.

– Мы пока еще только почти помолвлены, – почему-то посчитала нужным оправдаться Эмали. – Милада, знакомься, это Сайн, мой почти жених, а это Тилар, будущий муж Хатии.

Владыка же невозмутимо устроился рядом со мной, так же подчеркнуто не касаясь меня и пальцем ни одной из своих иллюзий, чего нельзя было сказать о реальности – в реальности его рука вольготно устроилась частью на спинке стула, а частью на моих плечах.

Судорожно выдохнув, тихо начала:

– Я бы попросила вас...

– Да я бы тоже! – перебил Владыка. – Эмали, я бы попросил официально познакомить нас с этим очаровательным созданием.

Совершенно неожиданно покраснев до корней волос, драконица тут же поспешила исправить это «досадное» упущение и произнесла уже никому не нужное:

– Милада, это наш добрый друг Рдан. Любезный халоне Рдан, позвольте представить вам нашу сестричку, Миладу.

Реальный Владыка после этих слов остался сидеть на ме-

сте, а вот обе его иллюзии, подскочив, галантно склонились и сообщили:

– Польщен знакомством с прекраснейшей из девушек!

Реальный же Гаррат-Ррат-Эгиатар издевательски добавил:

– С такой сладенькой, вкусенькой, нежной девушкой...

В этот момент я поняла, что лорд Энрое, в принципе, не так уж и плох. А потому, стремительно поднявшись, мило улыбнулась всей компании и сообщила:

– Была искренне рада познакомиться, но, к сожалению, меня ждет мой спутник. – А затем, понизив голос, тихо добавила: – И я искренне рекомендовала бы вам возвращаться.

После чего, выйдя из-за стола, сделала неловкий книксен, повернулась и покинула потрясенных драконов, которые явно не ожидали вот такого вот моего ухода. Я его тоже не ожидала, правда, но в сложившейся ситуации лорд Энроэ представлялся более безопасным вариантом, чем сбежавший ото всех и скрывающийся под личиной новый Владыка. Вот от брата Главнокомандующего я вообще не знаю, чего ожидать, если честно.

Когда шла через весь зал ресторации, была вынуждена на пару минут остановиться – как раз притушили все свечи и официанты в шесть рук вносили огромное блюдо, заполненное разными видами мяса. Венчала композицию вареная бычья голова, украшали три тушки зажаренных до корочки молочных поросят, все остальное было трудно различимо в по-

лумраке.

Едва блюдо внесли в зал, тут же зазвучала песня «Многие сытные годные лета», и стало ясно – заезжие в столицу хутары празднуют день рождения. Пока я стояла, ожидая прохода процессии официантов, украдкой посмотрела на компанию в ярких синих шароварах, цветных полушубках и с характерными для данной народности массивными серьгами в левом ухе. У хутар женщина всегда идет слева, а женщин своих они любят, ценят и все ради них делают, а потому серьга на левом ухе, на левую сторону волосы зачесывают, левый ус тщательнее всего подкручивают и левый же сапог обычно натирают до блеска. И празднуют любое событие они обычно по-разному, в зависимости от того, есть с ними женщины или нет. Так вот, если женщин нет, тогда вот так – мясо и вино, и не более. А коли женщина хоть одна присутствует, тут все иначе – вместо мясного раздолья сладкие пироги, а тосты поднимают не с вином, а со сладким чаем или же соком. Тем удивительнее оказалось увидеть за столом девушку. Хутарскую девушку, с двумя косами, перевитыми красными бусами, в колоритной красной рубахе, в темных широких шароварах и с белой, украшенной по отвороту красными же бусинами шубкой, которая сейчас висела на спинке стула, на котором понурившись сидела девушка.

Девушка, которую, кажется, никто не замечал...

– Госпожа Радович, вы долго! – раздался недовольный голос лорда Энроэ.

– Простите, – откликнулась я и поспешила к дознавателю, думая о хуторах и этой самой девушке, которую, похоже, скрывали.

Едва я подошла к, пожалуй, самому роскошному столику в ресторации, лорд поднялся и самолично, одним взглядом остановив подавальщика, отодвинул, а затем придвинул мой стул. После, сев, поинтересовался:

– Впервые видите хутор?

– Нет, что вы, – глядя на сырые дары моря, которыми было заставлено пространство передо мной, пробормотала я, – хуторская граница недалеко от Перевешек...

Сама себя оборвала, заметив, что неосознанно на деревенский говор перешла. Ох и долго я от него в университете избавлялась, даже часть стипендии на дополнительные уроки риторики потратила. Но и поныне вставляла привычные с детства слова и обороты, если начинала сильно нервничать. К счастью, все реже, но иногда это случалось.

– В смысле, – подняв взгляд на лорда Энроэ, продолжила я, – от деревеньки Перевешки, где я родилась, до границы Хутары и ближайшего хуторского городка Яжвены два дня пути. Не то чтобы мне довелось хотя бы раз побывать в Яжвенах, но хутарские торговцы и охотники в Перевешки заходили.

Высказав все это, я вновь уделила внимание блюдам, заказанным лордом дознавателем. И его выбор мне не понравился. Нам подали сырые приморские устрицы, сырую, по-

литую лишь кислым соусом рыбу трех видов, мясо голубого ишора, едва прижаренное открытым огнем, золотую икру белуги. Все блюда были роскошными и очень дорогими, и лорд Энроэ смотрел на меня с покровительственной полуулыбкой, явно ожидая восторгов и восхищений от меня, за возможность приобщиться к столь изысканной кухне. И я бы, может, и восхитилась с ожидаемым восторгом, если бы не одно «но» – на втором курсе, когда я наконец узнала, почему обеспеченным студентам подают особое питание и у них все магические задания получаются легко, а мы, студенты-стипендиаты, сидя на кашах и прочей дешевой еде, с трудом удерживаем концентрацию, я со всем тщанием подошла к изучению вопроса о питании магов. И благодаря этому прекрасно знала, что, к примеру, золотая икра вызывает у магов эйфорию, приморские устрицы – выброс магической энергии, а мясо голубого ишора заставляет терять связь с реальностью, не надолго, нет, но, я думаю, лорду Энроэ и четверти часа хватит для всех его целей. К примеру, заставить меня подписать кровью договор-клятву верности, который при поступлении на службу подписывают все работники его конторы.

– Удивительное дело с этими хутарами, – не дождавшись моего восторга и от того слегка хмурясь, произнес лорд Энроэ, – совершенно неожиданным образом прямо в центре столицы соизволила сбежать и раствориться их княжна.

Мне определенно стало интересно.

Заметив мой интерес, дознаватель продолжил:

– Естественно, в ее «побег» никто не поверил, хутарские женщины своевольны, но не до такой степени, однако и за руку поймать этих лжецов пока что не удалось.

Он улыбнулся мне, дал знак официанту и, едва тот наполнил наши бокалы рубиново-черным вином, поднял свой со словами:

– За вас, госпожа Радович.

Я взяла бокал, отсалютовала лорду Энрое и сделала вид, что отпила глоток, на деле не ощутив даже винного вкуса – и проблема не только в нежелании пить, просто, учитывая выбор имеющихся блюд, я не могла гарантировать, что это вино не является очередной ловушкой.

– Прекрасный букет и аромат, не правда ли? – пристально глядя на меня, поинтересовался тайный королевский советник.

Виновато улыбнувшись, я пожала плечами и ответила:

– Простите, не могу разделить вашего восхищения данным напитком, к сожалению, я не разбираюсь в винах.

На губах лорда дознавателя заиграла странная улыбка, и он с намеком протянул:

– Мы это исправим, Милада, причем в самое ближайшее время.

И он выразительно... очень выразительно посмотрел на меня, сначала в глаза, затем ниже и еще ниже. В этот момент я подумала, что, быть может, вариант быть съеденной новым

Владыкой не так уж и плох? И даже невольно оглянувшись, чтобы посмотреть, а не ушли ли еще драконы?

И вздрогнула всем телом, едва не расплескав вино в бокале, который все еще держала в руках!

Потому что в отличие от драконов, которые более не наблюдались в ресторации, сам Владыка обнаружился сидящим рядом! Совсем рядом! Рядом настолько, что я практически соприкасалась с ним плечом, а рука Гаррата вольготно устроилась на спинке моего стула.

– Ты чего вздрагиваешь? – невозмутимо поинтересовался дракон, насмешливо глядя на меня провалами абсолютно черных глаз. – Возвращайся к беседе, у вас тут самое интересное началось, видишь, даже я возлюбопытствовал.

Я вернулась. В смысле, медленно повернулась обратно и посмотрела на заинтересованно наблюдающего за мной лорда Энроэ, который, сдержав победную усмешку, успокаивающе произнес:

– Все в порядке, просто легкая степень опьянения. Еще глоток?

Тут я содрогнулась повторно всем телом, с ужасом посмотрев на свой бокал – это что же за вино такое, что даже от одного глотка могут быть такие последствия?! Хорошо, что не выпила!

В этот момент к нашему столику подошел подавальщик, который точно подавальщиком не был – слишком цепкий взгляд, слишком сильные ладони легли на стол, когда муж-

чина, наклонившись, уперся в столешницу, слишком было все. Так что я даже не удивилась, едва этот явно не официант произнес:

– Номера хутаров обыскали, княжны нет.

У лорда Энроэ дернулась щека, после чего он с выражением холодной ненависти взглянул на подчиненного и отчеканил:

– Торн, она должна быть там.

Его подчиненный, явно маг, так как при одном взгляде на имеющийся набор блюд заметно скривился, посмотрел на начальство и повторил:

– Княжны там нет.

Лорд-дознаватель, с трудом сдержав ярость, повернулся и глянул на шумное сборище пирующих хутар, видимо, совершенно не замечая уныло сидящую среди хутаров княжну. А этот самый Торн вдруг посмотрел на меня и одними губами произнес: «Не ешь!» Затем взгляд его переместился на бутылку с вином, и он добавил: «И не пей». Посмотрел в мой бокал и, пользуясь тем, что лорд Энроэ все еще с откровенной ненавистью взирал на колоритных пирующих, едва уловимым жестом фокусника что-то быстро высыпал в мой бокал. Вино помутнело, утратило запах и вновь вернулось к первоначальному виду. Я поняла, что теперь его действительно можно пить.

Лорд Энроэ, повернувшись к нам, холодно приказал:

– Допросите служанок.

– На служащий персонал хутаров распространяется дипломатическая неприкосновенность, – возразил Торн.

– Мне тебя учить? – издевательски поинтересовался лорд Энроэ. – Организуй нападение с целью ограбления, мы не несем ответственность за преступность в столице, но искренне посочувствуем их утрате. Действуй!

Судя по лицу Торна, действовать в подобном направлении ему не хотелось вовсе, не хотелось настолько, что, казалось, сейчас послышится скрежет его стиснутых зубов. И все же дознаватель кивнул и отошел с полупоклоном, как отошел бы официант.

Лорд Энроэ, утратив всяческий интерес и к нему, и к хутарам, широко улыбнулся мне, поднял бокал и провозгласил:

– За самую прекрасную студентку Университета Магии!

Нервно улыбнувшись в ответ, я выпила несколько глотков... подкрашенной воды. Вином это уже точно не было. После чего, посмотрев на блюда, осторожно переложила к себе на тарелку самое безопасное – кусочек сырой речной рыбы под кислым соусом. Все остальное лучше было даже не пробовать. Но лорд Энроэ и не настаивал, он хищным взглядом проследил за тем, как и сколько я выпила, и полностью удовлетворился этим. Подняв руку, подозвал подавальщика, заказал себе котлеты из морского окуня с гарниром из вареной свеклы и с самым благодушным видом обратил свой взор на меня.

Я так поняла, что он счел меня достаточно готовой для

начала допроса.

Так и оказалось.

– Итак, – начал лорд Энроэ, как-то мерзко ухмыляясь, – начнем с самого для меня интересного – кто были эти люди?

Я удивленно посмотрела на него, не понимая сути вопроса.

– Люди, с которыми вы сидели, те, кто знал ваше имя и на кого вы потратили мое время, – уточнил он.

Сидящий рядом со мной Владыка пояснил:

– Он про драконов.

Это я понимала, что про драконов, я не понимала только, что конкретно могу соврать сейчас.

– Простите, – прошептала лорду-дознавателю, делая еще глоток «вина».

Сдержав раздражение, лорд Энрое задал вопрос иначе:

– Вы знали этих людей?

И словно невзначай разместил свою левую руку на столе так, чтобы прекрасно видеть ныне совершенно черное кольцо на мизинце. Это оно сейчас было черным, но камень Правды я узнала и прекрасно поняла: солгу – он окрасится синим, цветом лжи. Чувствуя, как внутри все сжимается, ответила истинную правду:

– Нет.

Лорд Энроэ досадливо глянул на кольцо, кольцо осталось безучастным, и дознавателю пришлось проглотить это. А вот мне пришлось проглотить кое-что иное! А именно то, что

моя левая рука вдруг потянулась к хлебцам, правая – к серебристой ложечке на длинной ручке, коей я щедро набрала золотой икры белуги, вывалила ее на хлебец и принялась с аппетитом есть! Я! Есть!

Потрясенно повернув голову, посмотрела на Владыку. Жующий Гаррат, весело подмигнув мне, сообщил:

– Отлично выглядит – не удержался. А ты не отвлекайся давай, смотри на этого, я сейчас дожую и сниму иллюзию.

Я взглянула на лорда Энроэ, дознаватель терпеливо ожидал, пока «я» доем, уважительно относясь к процессу сведения потенциальной жертвы своих замыслов с ума, и я с ужасом поняла – мне сейчас придется изображать эйфорию! Потом ужас стал основательней, когда я осознала, что эйфория сейчас начнется у Владыки. И я уже собиралась предупредить его о воздействии данного деликатеса на магически одаренных, как Гаррат-Ррат-Эгиатар с мечтательной улыбкой сообщил мне:

– Люблю я эту штуку. Знаешь, вкусенькая моя, мы так здорово развлекались по молодости, подсыпая ее всяческим магам. Эльфы, кстати, от золотой икры рыдать начинают, ты знала?

Нет, я не знала, но меня откровенно порадовало, что о свойствах данного продукта дракону известно.

– Вообще ты можешь говорить, пока я за тебя жую, – сообщил странную вещь Владыка.

После чего моя иллюзия, Триединый ведает как управля-

емая, принялась поглощать все подряд, начав это «подряд» с мяса голубого ишора!

– Что... что вы делаете? – прошептала я.

– Ем, – сообщил очевидное дракон. И добавил: – Не то чтобы я голоден, да и свежесть данных продуктов крайне относительна, но мне жутко любопытно, что начнет делать и говорить этот застарелый поганочный гриб, едва решит, что на тебя подействовало.

В некотором смятении посмотрела на лорда Энроэ, на его чуть тронутые сединой волосы, бледную кожу, сверкающие в полумраке глаза – и была вынуждена не согласиться с характеристикой Владыки: гриб лорд-дознаватель напоминал менее всего. Он скорее был похож на охотника, с некоторым презрением наблюдающего за тем, как жертва сжирает приманку, собственной жадностью загоняя себя в ловушку. Мне даже стало совестно за неумеренный аппетит моей созданной Владыкой иллюзии.

Но дракон продолжил фарс, правда, уже сам не ел, ему сильно не понравился запах приморских устриц, поэтому он, скривившись, начал не слишком аккуратно сбрасывать содержимое раковин... в тарелку лорда Энроэ. Тот, ощутив запах, тоже скривился, втянул носом воздух, в попытке выяснить источник неприятного аромата, и уставился на свою иллюзорно абсолютно чистую тарелку, явно не понимая, как же его так могло подвести обоняние. После чего с сомнением взглянул на блюдо с «уплетаемыми мной» устрицами и

осторожно произнес:

– Милада, мне кажется, вам не стоит увлекаться.

– Ну фто фы! Офень вфкуффно! – восторженно ответила ему моя иллюзия и даже потребовала: – Фина еще!

Лорд Энроэ подал знак, подошедший подавальщик радостно наполнил свой... карман. Сильно изумился неожиданному ощущению влаги и отошел втрое поспешнее, чем обычно.

– За вас! – между тем провозгласила моя иллюзия, прежде чем опрокинуть в себя весь иллюзорный бокал вина.

Лицо лорда Энроэ приняло незабываемое выражение.

Владыка же, расправившись со всеми подванивающими устрицами, вновь сел в привычно-вальяжную позу, покровительственно обняв меня за плечи, и сообщил:

– Все, в постель он тебя теперь не потащит.

Пользуясь тем, что моя иллюзия в данный момент неаристократично облизывала пальцы под шокированным взглядом лорда Энроэ, я шепотом спросила:

– Почему?

– Да ты посмотри на себя, – дракон скривился, – отвратительное зрелище, должен признать. Ты бы еще в зубах поковырялась... хм, а кстати.

И моя иллюзия, схватив зубочистку, радостно принялась выковыривать нечто из своего иллюзорного рта. Не знаю, кто из нас пребывал в большем ужасе: лорд Энроэ, воочию наблюдающий настоящую деревенщину, или я – которая не ве-

ла себя за столом так, даже когда жила в этой самой деревне!

А в следующее мгновение случилось нечто – лорд Энроэ, которому полагалось быть в ужасе, вдруг достал платок, протянул руку, осторожно вытерев губы моей иллюзии, и с необыкновенной нежностью произнес:

– Я готов вечно смотреть на то, с какой жадностью вы едите, Милада.

И, не отрывая от меня восторженного взгляда, главный дознаватель королевства, понизив голос, с придыханием сообщил:

– Моя первая страсть – грязная девчонка из цыганского табора. Мне было тринадцать, ей что-то около пятнадцати, и когда она ела вот так же, как вы сейчас, самозабвенно и жадно, с наслаждением облизывая пальцы, я сходил с ума, горел словно в пламени, впитывал каждый ее жест, каждое движение...

Платок выпал из его ладони, пальцы коснулись моего иллюзорного лица, обрисовывая контур губ, и еще тише, хрипло и рвано, лорд Энроэ прошептал:

– Я искал тебя всю жизнь, моя девочка.

Пребывая в абсолютном потрясении, я медленно повернула голову и взглянула на Владыку. Дракон сидел с открытым ртом и округлившимися глазами смотрел на дознавателя. Потом глянул на меня и тихо сказал:

– Все, одним лордом в вашем королевстве теперь станет меньше.

– В смысле? – переспросила я.

Гаррат невозмутимо пояснил:

– Ты МОЯ вкусенькая девочка. Я – дракон, соответственно – собственник. Тебе известно, как драконы поступают с теми, кто претендует на их собственность?

С ужасом глядя на Владыку, я полушепотом уточнила:

– Едят?!

На меня посмотрели столь внимательно, что появилось желание осторожно прикрыться... дверью... входной желателью.

Гаррат же, нагнувшись ко мне и глядя в глаза, проникновенно поинтересовался:

– Аппетитненькая моя, драконы, конечно, все способны переварить, но это не значит, что мы едим всякую гадость. Особенно вот такую, больную на всю голову и душевные привязанности.

И, глянув на меня с нескрываемой укоризной, предупредил:

– Снимаю иллюзию.

В следующий миг лорд Энроэ смотрел уже в мои глаза влюбленным взглядом, не подметив исчезновения иллюзии. И смотрел он самозабвенно и всепоглощающе, совершенно не отреагировав на подошедшего официанта, который, осознав невменяемость клиента, начал осторожно накладывать в его тарелку котлеты из сотейника, чтобы затем полить их ярко-красным, с оранжевыми прожилками соусом. Соус об-

рисовал три красиво уложенные котлеты и живописно разбросанные кучками ошметки порченных устриц. Подавальщик застыл, переводя потрясенный взгляд с тарелки на сотейник и не понимая, откуда могли взяться устрицы на тарелке лорда Энроэ. И его непонимание усилилось, когда обозначенные соусом устрицы вдруг мягко исчезли так, словно их в тарелке никогда и не существовало.

Ошалелый подавальщик потрясенно посмотрел на меня, мол, вы это видели? – и тут же получил гневное от лорда-дознавателя:

– Не смей пялиться на мою невесту!

Официант отшатнулся от меня, как от чумной, а затем и вовсе торопливо скрылся в коридоре, тряся головой на ходу, словно пытался избавиться от наваждения.

Лорд Энроэ же, ослабившись, произнес:

– Да, это может стать для тебя сюрпризом, дорогая, зато, несомненно, приятным сюрпризом.

И он, вооружившись вилкой, принялся радостно кромсать имеющиеся на тарелке ожидаемые им котлеты и также имеющиеся, но явно для лорда Энроэ неожиданные устрицы, попутно начав планировать наше совместное будущее:

– Ты, конечно, безродная девочка, но мы это исправим. Как тебе имя Милада эль Тагарсин? Помнится, герцога мы накрыли в районе вашей деревеньки аккурат в год твоего рождения. Показания нескольких свидетелей, «подлинное» завещание давно сгнившего в застенках герцога, и к твоему

происхождению будет не подкопаться. Да и наследство Тагарсинов не помешает. Что касается мнений скептиков – у тебя и почившего герцога сходный тип магии, вы оба теоретики, что станет еще одним свидетельством в пользу вашего родства.

И лорд Энроэ, наколов на вилку кусок котлеты с попавшей на нее устрицей, поднес ко рту, засунул в него и принялся энергично жевать, продолжая неотрывно взирать на меня влюбленными глазами.

Глаза эти немного округлились, когда лорд осознал, что жует явно что-то странное, но, мужественно проглотив все, дознаватель вновь отвлекся на построение планов в отношении будущей семейной жизни.

– Представление ко двору отложим до момента, когда предстоящее появление наследника станет очевидным. – Взгляд его стал суров, и, вонзив вилку в очередной кусок облепленной устрицами котлеты, Энроэ пояснил суть своей мысли: – Не имею никакого желания отваживать всех этих молодых привлекательных юнцов, что насядут на тебя в случае, если ты еще не будешь беременна. Ты слишком привлекательна, дорогая.

Он съел и второй кусок котлеты, скривился, но съел, всем своим видом выражая решимость уже заранее противостоять попыткам измены с моей стороны.

Владыка, выслушивающий это с не менее потрясенным видом, чем мой собственный, скептически вставил:

– Не особо. Ножки – это да, аппетитные, еще глазки вроде примечательные, а остальное так себе, ничего выдающегося.

Лорд Энроэ с ним бы явно не согласился. Судя по взгляду дознавателя, он уже счел мою внешность преступлением против королевства, вынес приговор и даже определился с мерой пресечения:

– Лет до сорока территорию замка покидать не будешь!

После чего Энроэ покарал еще один кусок рыбной котлеты, жестоко сжевав ее и не отрывая в процессе сурового взгляда от меня.

Владыка же продолжал задумчиво размышлять, все так же приобнимая меня за плечи:

– Но вот ножки у тебя самый смак, так бы и съел бы.

Содрогнувшись от смысла драконьих слов, я на миг прикрыла глаза и начала глубоко дышать, старательно придумывая, как бы из этого выпутаться. По всему выходило, что будет проблематично, и очень. Во-первых, я могу сколько угодно кричать на каждом перекрестке, что герцог эль Тагарсин мне не отец, но что может значить слово ребенка? Ничего, особенно если лорд Энроэ предъявит подложные документы. Кстати, единственная частная независимая контора, занимающаяся проверкой подлинности документов, принадлежит Энроэ лично. Остальные им просто курируются, так как являются государственными. Во-вторых, ранее я могла бы обратиться за помощью к магистру Ворониру, и тот настоял бы на отсрочке любых планов на мою персону до окон-

чания университета... но теперь жаловаться мне некому!

– Дорогая, дыши, это небольшой побочный эффект вина, – успокаивающе произнес лорд Энроэ.

С ужасом подумала, что это он еще пока не использовал свои способности к внушению, а что будет, когда использует?

И тут кто-то икнул.

Я распахнула ресницы и посмотрела на медленно багровеющего дознавателя. Маг, словно надуваясь изнутри, осторожно поднялся и с трудом проговорил:

– Ддорогая, один мммомент.

После чего стремительно ушагал в сторону внутренних помещений ресторации.

Владыка же, недолго думая, начал накладывать в тарелку лорда Энроэ мелко нарезанное мясо голубого ишора.

– Что вы делаете? – испуганно спросила я.

– Организую гарантированное несварение желудка, не мешай, кусняшка моя.

Я бы в жизни не решилась указывать дракону Правящего рода на что-либо, пусть даже пугающие выражения в отношении меня, но не могла не спросить:

– Почему вы скрываетесь?

Прекратив посыпать тарелку лорда Энроэ поструганной рыбой, Владыка повернулся, посмотрел на меня и честно признался:

– Надоело.

А затем, вновь откинувшись на спинку стула, вдохновенно начал объяснять:

– Если их не устраивает моя кандидатура на престоле, могли бы сразу возвести на трон своего обожаемого Рэнарна и предоставить мне полную свободу действий и передвижений. Но нет – дразги между родами решать мне, дела об оскорблении чести и достоинства очередной невесты что возомнившей о себе драконицы – мне, посещать Поднебесные дома по каждой надуманной причине, но на деле терпеть очередное представление очередной кандидатуры на совместный полет – тоже мне. А единственная награда за все старания – перекошенные морды эльфийских посланцев и их осторожное: «А Ирэнарн-Ррат-Эгиатар не мог бы нас принять?» Нет! Не мог бы! Ему ваша надменная принцесса отказала в ложе, он бесится второй месяц, крушит замки неугодных и рычит на всех почему зря!

Выговорив все это, Гаррат скривился и поинтересовался у меня:

– Ты вообще в курсе про эту историю с эльфийской выпендрежницей?

– Нет, – прошептала я, чувствуя, как все внутри замирает.

– Никто не в курсе, – посетовал дракон с совершенно черными глазами, – но из всех контактов у него были только ты и эта эльфийская носозадира. Ты исключаясь банальным методом исключения – просто ты человек, а Ирэнарн вас, людей, не переносит, а вот она, да, сотворила.

Я сидела, стараясь не отрывать глаз от своих комкающих салфетку ладоней, и, пытаясь выглядеть невозмутимо, тихо спросила:

– А... как она ему отказала?

– Понятия не имею, – с досадой выдохнул Гаррат. – Никто понятия не имеет, даже она. Эсфирель вообще рыдает и клянется, что ей никакой коробочки с золотой лентой не предлагали, а если бы предложили, она бы давно и с радостью согласилась, причем вовсе не по причине толп злых драконов, косяками летающих над эльфийской столицей исключительно с одной целью – в глаза посмотреть этой заразе бессердечной!

Продолжая комкать салфетку, осторожно уточнила:

– А по какой тогда причине она бы согласилась?

Владыка вздохнул и сообщил:

– Клянется праматерью, что давно и безнадежно влюблена в Рэнарна и готова согласиться на все, вот только ей не предлагали. И ты знаешь, я бы поверил, но говорю же – были ты и она, ты не подходишь стопроцентно, для Ирэнарна вы, люди, что-то типа помеси гиены и мартышки, так что исключено. Остается только Эсфирель. И ей лучше бы признаться, потому что срывы у Рэнарна с каждым разом все основательнее, на прошлой неделе две скалы уничтожил, психанув на гномов, дракониц теперь на дух не переносит вообще, демоны с Великой Пустоши, завзятые полемисты по натуре и традициям, готовые спорить по любой мелочи годами, на

последних переговорах просто все молча подписали и всей дипломатической миссией свалили из Долины.

Гаррат умолк, печально глядя вдаль. Проследив за его взглядом, увидела вдали осторожно идущего в нашу сторону лорда Энроэ. Дознатель был бледен, его заметно шатало, в глазах отражался нарастающий ужас. И причина ужаса стала ясна, едва лорд остановился, а затем, резко развернувшись, опрометью ринулся обратно. Громкий, характерный для покидающей организм еды звук продемонстрировал, что добежать тайный королевский советник не успел.

Злорадно усмехнувшись несчастьем дознателя, Владыка продолжил:

– Букмекеры принимают ставки на то, кто быстрее притащит принцессу Эсфирель Рэнарну – драконы, которым как-то некомфортно жить стало, или сами эльфы, которым уже тоже страшно. Я поставил на эльфов.

Внезапно всю ресторацию потряс жуткий звук, который было как-то сложно соотнести с чем-либо, но стены дрогнули, окна задребезжали, хутары на миг замерли с кружками вина, а потом, махнув рукой на всяческие звуки и трясущиеся стены, залпом выпили. А вот у остальных посетителей аппетит заметно испортился.

Продолжая сидеть и молча смотреть на скомканную окончательно салфетку, я не решилась больше спрашивать о Черном драконе, но испытала огромную благодарность к древнему за то, что выполнил мою просьбу.

В этот момент к столику подошли двое в серой с коричневой оторочкой форме, с большим почтением поклонились, и тот, что постарше, вежливо произнес:

– Леди Милада, лорд Энроэ просит прощения, но его отвлекли срочные дела.

Громкий звук очередного приступа тошноты красноречиво указал на то, какие именно. Второй из подчиненных главного дознавателя королевства, тяжело вздохнув, продолжил за коллегу:

– Для вас снят лучший номер в «Цветущей ветви».

Я чуть скомканную салфетку не выронила. «Цветущая ветвь» – неимоверно дорогая и невероятно красивая маленькая гостиница в центре города, окруженная настоящим эльфийским и потому вечно цветущим садом, заказываемая родовитыми новобрачными для первой брачной ночи за полгода или год до означенного события и стоившая порой дороже самой свадьбы.

– Гостиница для новобрачных... – протянул Владыка, откуда-то знающий об этой нашей местной достопримечательности. – Мне нравится эта идея. Пошли.

И он поднялся, отодвинув иллюзорный стул так, что тот, проехавшись по полу несколько саженей, врезался в стул сидящей пышнотелой дамы, пытающейся грациозно отпить из бокала, и врезался так, что леди невольно расплескала на себя вино и подняла истошный крик, узрев неисправимо испачканное явно первый раз надетое платье.

На вопль обернулись готовые меня конвоировать дознаватели, но даже в поднявшейся суматохе они отчетливо слышали мое уверенное:

– Ни в какую гостиницу я не поеду. Извините, но нет.

Я бы не поехала в нее, даже продолжай жить все так же под крышей, да, пожалуй, даже если бы жить пришлось где-нибудь под кустом в университетском саду. И на дознавателей посмотрела со всей решимостью, на которую только была способна. А в плане решимости я очень способная была всегда.

Дознаватели впечатлились, переглянулись, и один из них, вновь поклонившись мне, ушел, второй же сделал пасс над левым запястьем, активируя переговорный браслет, которыми пользовались маги. И вот не соверши он этого, мы бы не услышали ни осторожного сообщения первого дознавателя, ни яростного хрипа разъяренного лорда Энроэ:

– Хорст, я влил в нее полтора бокала шакарского томного! К демонам расшаркивания, или номер в «Ветке», или ночь в моей личной тюремной камере, пусть выбирает! Вонючийдохлый гном!

И его снова вывернуло, судя по звуку.

Побледневший дознаватель торопливо деактивировал браслет и как-то виновато посмотрел на меня, но едва протянул руку, предлагая подняться, как на мое плечо легла чья-то тяжелая ладонь и прозвучал знакомый низкий, с легкими нотками отдаленного раската грома голос:

– Студентка Радович возвращается в университет. Передайте лорду Энроэ, что свидание окончено.

И меня подняли без усилия, как не знаю даже кого, поставили на ноги и всунули в руки мой плащ.

Одевалась я, украдкой поглядывая на Зэрнура, стоящего со сложенными на могучей груди руками и насмешливо поглядывающего на дознавателя с высоты роста и положения. Дракон своей сути не скрывал, а потому смотрел на несчастного парня пугающими драконьими, чуть фосфоресцирующими глазами с вертикальным зрачком. И дознаватель, откровенно дрожа всем телом, молчал, ровно до подхода своего напарника, а едва ощутил его присутствие, нервно заметил:

– Драконам запрещено убивать без дозволения на то Главнокомандующего.

Зэрнур, хищно усмехаясь, произнес:

– Прррравильно говоришь. Но два момента, щенок: первый – дозволение у меня есть и второй – всегда делаются исключения, если дело касается вопросов питания. А съесть я могу все, что пожелаю, даже гадость вроде тебя.

Дознаватель отшатнулся, не удержавшись, грохнулся на пол и уполз под ближайший столик. Уже оттуда донеслось дробное клцанье зубов. Второй дознаватель просто поспешно покинул ресторацию, причем сбежал, даже не оглядываясь. Оно и не удивительно. Зэрнур умел пугать, об этом все наши студенты знали.

Закончив с пуговицами на плаще, я обернулась, ища взглядом Владыку. Но его не было. Нигде не было. Тоже испугался Зэрнура?

– Кого-то ищите, леди Милада? – мягко спросил у меня дракон.

Отрицательно мотнув головой, я вдруг решительно взяла и кивнула. А потом посмотрела на продолжающих веселиться хутар и... Я не смогла пройти мимо, просто не смогла. И пройдя через половину зала, подошла к заметившим мое приближение и переставшим пить хутарам. Все они разом повернулись ко мне выигрышной левой стороной и принялись заинтересованно разглядывать, радушно улыбаясь. Ровно до моих слов:

– Лорд Энроэ отдал приказ схватить одну из ваших служанок и допросить ее по поводу вашей исчезнувшей княжны.

И я посмотрела на девушку, которая при моих словах не просто побледнела – стала белой как полотно.

Хутары переглянулись. Несмотря на залихватский вид и подчеркнуто вольное поведение, все они были воинами и как воины быстро оценили ситуацию.

– Спасибо, милая девушка, – искренне поблагодарил самый старший из них, с массивной золотой серьгой в традиционно левом ухе.

– Вольного хлеба, – попрощалась я, как у них было принято.

И развернувшись, поспешила к ожидающему меня Зэрну-

ру со смешанным чувством удовлетворения и ожидания еще больших грядущих неприятностей.

Но, выйдя на порог вслед за своим провожатым, я заметила, как трое из хутар вскакивают на лошадей и срываются с ходу в галоп, и подумала, что если удастся спасти хоть одну жизнь, то вечер в компании лорда Энроэ – не такая уж и большая плата за это.

– Знаешь, девочка, – внезапно произнес стоящий рядом со мной дракон, – в следующий раз, когда я задам вопрос о том, нужна ли тебе помощь, лучше говори правду сразу.

Я открыла было рот, да так и закрыла, посчитав бестактным что-либо спрашивать, и просто искренне поблагодарила:

– Спасибо, вы правда спасли меня.

Зэрнур ничего не ответил, продолжая молча и с осуждением на меня смотреть. Затем укоризненно покачал головой и тихо произнес:

– За вашу безопасность я отвечаю перед Главнокомандующим лично. Но мне приказано не вмешиваться, если у вас начнутся романтические отношения, в которых вы будете счастливы. Так как эмпатом я не являюсь, то повторяю – в следующий раз, когда я спрошу о том, нужна ли вам помощь, я хочу слышать правду, а не терять время на поиски, слежку и выяснение истинного положения дел, чтобы вмешаться в критический момент. Я все-таки дракон, а не благородный рыцарь, и спасение девиц не входит в мои жизненные прио-

ритеты.

Совершенно ошеломленная услышанным, я даже сказать ничего не смогла.

Зэрнур же добавил:

– О вылазке молодых драконов я уже доложил, в данный момент их всех конвоируют обратно в Долину.

Всех?! Даже Владыку?!

Спрашивать, конечно, не стала.

– Тесемки на капюшоне завяжите, – сказал дракон.

Я завязала, уже догадываясь, каким образом меня транспортируют обратно в университет. И лишь постаралась не вскрикнуть, когда дракон, перевоплотившись, ухватил за пояс и рывком поднял вверх. Почему-то, глядя на пролетающие внизу огни и здания, я с грустью вспомнила другого дракона и другой полет. Главнокомандующего мне было жаль, безумно, до сжимающегося от боли сердца жаль. Я совсем не хотела, чтобы ему было плохо, я трусливо надеялась, что не являюсь причиной его состояния. Я... не знала, что думать.

* * *

Зэрнур долетел до УМа довольно быстро. Игнорируя снежную бурю, уверенно приземлился и, поставив меня на ноги, удержал от падения из-за сильного порыва ветра уже человеческими руками. Затем молча подтолкнул в направлении входной двери.

Когда я зашла в университет, старый и жутко любивший доносить за любое нарушение начальству привратник, радостно ослабившись, приподнялся уже было, дабы высказать мне все, что обо мне и нарушении комендантского часа думает, но, увидев вошедшего следом дракона, рухнул обратно на стул и притворился составной частью обстановки.

– Поднимайтесь к себе, леди Милада, я схожу за противоядием, – произнес Зэрнур.

Обернувшись, я хотела спросить, каким противоядием, но дракона позади уже не было.

– Потравили тебя, значит, родственнички Горски, – не оставив без внимания исчезновение того, кто мог за меня вступиться, ехидно захихикал господин Обре.

И гнусно хихикать он продолжал все время, пока я пересекала холл университета, идя к лестнице, ведущей в жилые помещения, и пока поднималась, тоже слышала его неприятный смех.

* * *

Поднявшись к себе в комнату, я едва успела снять плащ и разуться, как в двери постучали. И не дожидаясь, вошли. Двое. Первым – дракон в белоснежной мантии, пугающий как совершенно белыми глазами, в которых жутко смотрелся черный продолговатый зрачок, так и манерами. Без всяких церемоний он шагнул ко мне, ухватил за подбородок, вгля-

делся в мои глаза, вдохнул, проверяя мой запах, и уверенно произнес:

– Противоядие не требуется, она ничего не ела и пила лишь воду.

Зэрнур как-то очень странно посмотрел на меня, затем вновь на снежного дракона и безразлично уточнил:

– Вы уверены?

– Абсолютно, – ответил тот.

Отпустил мой подбородок, развернулся и уже у двери бросил равнодушно:

– Поесть и спать, большего ей не требуется.

Оставшийся в моей комнате дракон посмотрел на меня с некоторым сомнением, покачал головой и произнес:

– Неплохо.

И вышел вслед за представителем своей расы.

Я осталась стоять, пытаюсь разобраться в ситуации, но ситуация была странной, непонятной и немного пугающей.

А в следующий момент она стала еще более пугающей, потому что открылась дверь, и под прикрытием иллюзии абсолютной невидимости в мою комнату проскользнул сам Владыка. Сделал он это как-то воровато, что не совсем сочеталось с его массивным телосложением, так же осторожно и с оглядкой прикрыл дверь, а затем шепотом поинтересовался у меня:

– Сладенькая, а ты как в университет этот попала?

– М-магистр Воронир привел, – несколько запинаясь, от-

ветила я.

– Ага! – торжествующе прошептал Гаррат.

Прислушался к происходящему в коридоре, посмотрел на меня и тихо посетовал:

– Рэнарн со своим долгом чести – достал.

– В смысле? – переспросила тоже почти шепотом.

Досадливо скривившись, Владыка пояснил:

– В смысле, в благодарность за мое спасение он прицепил к тебе Зэрнура, а мне теперь выкручивайся. Ну да ладно, трудности закаляют. До завтра, моя вкусняшечка.

И с этими словами правитель Долины драконов вновь скрылся за дверью, оставив меня в полном недоумении.

Двери я на ночь заперла.

Потом, немного поразмыслив, придвинула стул и подперла ручку. Еще немного подумав, придвинула стол. Шкаф просто не удалось с места сдвинуть...

* * *

Утро в Университете Магии всегда начиналось одинаково – над всем учебным заведением звучало нечто отдаленно похожее на песню соловья, только раз в десять громче. Но это ничего, к примеру, в прошлом году это была свиристель, до нее канарейка, а вот до канарейки, как говорили, по утрам орал орел. Орлиный крик поднимал всех гарантированно и мгновенно, но сильно действовал на нервы и нежный слух

аристократии, посему был заменен. И с тех пор руководство университета экспериментировало.

Но сегодняшнее пробуждение разительно отличалось от обычного, потому что песнь соловья оборвалась на высокой ноте и раздался раздраженный голос сэра Овандори:

– Господин Вачовски, еще раз повторяю – сейчас середина учебного года, мы не принимаем новых обучающихся. Отправляйтесь домой!

– Я сирота! – излишне пафосно, на мой взгляд, воскликнул, судя по голосу, молодой парень.

– И что это меняет? – начал закипать Овандори.

– У меня нет дома! – как-то даже торжествующе воскликнул парень.

– А мне какое дело? – откровенно взбесился секретарь ректора.

– У вас нет сердца?! – Складывалось ощущение, что кто-то играет на публику и открыто пробует себя на актерском поприще.

– Представьте себе – нет, – издевательски ответил Овандори.

Мне, да и, наверное, уже всем стало уже очень интересно, что на это ответит пафосный Вачовски, но...

Пафоса не случилось.

Раздался легкий звон высвобожденного из ножен металла, и совсем иным, холодным, обманчиво мягким, с едва угадывающимися повелительными нотками голосом неизвестный

Вачовски произнес:

– А вам никогда не говорили, что ложь провоцирует сильное желание проверить полученную информацию?! Так, что там у вас по поводу сердца?

Я села на постели от неожиданности, да и весь университет, казалось, затаил дыхание, шокированный подобным поворотом событий.

– Уууберите кинжал! Откуда вы его достали вообще?! Это что, черный металл?! От него же раны не заживают! Я... вы... я...

– Так я могу пройти к магистру Аттинуру?

– Дда-дда, конечно, не смею вас ззззадерживать.

– Вы очень любезны.

После чего вновь зазвучал соловей, но было уже поздно – все все слышали.

И на лекции в этот день собирались, будучи крайне заинтеригованными.

* * *

В столовую я теперь, при драконах, могла ходить, но сегодня не особо хотелось: есть под всеобщими взглядами после случившегося вчера – дело не слишком приятное. Так что, свернув в служебный ход, я спустилась со второго этажа на первый и уже собиралась идти дальше, как вдруг услышала тихое:

– Тсс, Миладка.

Остановившись, огляделась и увидела стоящего в скрытой полумраком нише служителя Ноштру, работающего одним из садовников в университете. Мы с господином Ноштру были давно и хорошо знакомы, а в прошлом году я вылечила его дочь от чахотки, тогда-то Имаджентеро и выучила. Просто ничего другого помочь ей бы уже не смогло, а университетский целитель отказался в принципе смотреть ребенка.

Быстро подойдя к господину Ноштру, я уже хотела было спросить, что случилось, как мужчина, схватив меня за руку, притянул к себе и развернул лицом к коридору, закрыв мне рот ладонью.

Это было предусмотрительно.

Очень предусмотрительно.

Потому что, когда на пыльном полу начали отпечатываться следы невидимого зверя, я едва не закричала. Садовник же держал меня ровно до тех пор, пока зверь не скрылся в проходе, ведущем в общий коридор и оттуда в столовую. Проходе, по которому собиралась пройти я!

– Это, – шепотом начал господин Ноштру, – появилось часа в четыре утра. По самой темени. Я чего внимание обратил – Айван Горски в саду ошивался. Сам. Ходил, но не курил. Ты же знаешь, Горски шмалит всегда, как печь прохуdivшаяся, а тут ни сигарки. Я и насторожился. Знаешь, напрягает, когда что-то идет не так, тревожит это. И стало быть, постоял там, неподалеку, за деревьями. Недолго стоял.

Вскоре глядь, идет мужик, и подошвы сапог его синим светятся, ну знаешь, как охранительный ваш контур, когда первокурсниками были и столько силы в него вбухивали, что магические линии сверкать начинали, а вы до комнат ползком добирались от переутомления. Но не суть, Миладка. Суть-то в том, что шел мужик, подошвы светятся, а следов... следов нетути. Ни единого. Я так понял, потому-то и светилась у него подошва-то. И знаешь, он такой подошел и спрашивает: «Вещь ее есть?» Ну я-то сразу и смекнул, что о тебе речь-то, после всех-то событий не догадаться сложно было. А Горски ему: «Вот, перчатка ее». Перчатки-то твои где, Милада?

И руку убрал.

– Не знаю, – ответила, вспоминая, что вчера не брала их, кажется. Или перчатки взяла, а варежки остались в комнате?

– Одна не ходи, – начал напутствовать господин Ноштру. – Зверь этот, кем бы он ни был, нападать при всех не станет, драконы же тут, но вот одной по служебным переходам ходить брось, опасно это. Идем, в столовую провожу.

И он проводил, по пути поведав о Тари, его доченьке младшей и девятой, что в эту зиму родилась, и о том, что студенты при драконах присмирели, никто больше по ночам кусты и молодые деревья никем не обламывает, так что налаживается, жизнь-то.

Я так не думала, я все время мысленно рисовала отпечатки невидимых лап и пыталась понять, какому зверю они могут принадлежать. То, что на нем чары невидимости, это уже

понятно, но...

И тут мне стало нехорошо.

Потому что на нем не было никаких чар невидимости! И иллюзий тоже не было! Благодаря жемчужине от воздушника я свободно видела и через первое, и через второе, значит, зверь не казался невидимым – он им просто был!

– Господин Ноштру, мне не в столовую, мне в библиотеку нужно, – остановившись, сказала я.

Садовник отрицательно покачал головой и наставительно произнес:

– Ты, Миладка, на всю жизнь запомни: завтрак – самая важная трапеза за день, его пропускать нельзя.

– Сейчас библиотека важнее, – возразила я.

– Вот перекусишь и пойдешь, – не согласился господин Ноштру.

И уверенно довел меня до кухни.

А вот едва я дошла, госпожа Иванна бросилась к нам и с тревогой спросила:

– Вы точно не ошиблись, господин Ноштру? Из наших никто зверя не видел, нету его в университете. Да и я, подавая завтрак магистру Аттинуру, грешным делом, спросила, существуют ли звери невидимые. Он так смеялся, господин Ноштру! Его ночной колпак с головы упал, и сам магистр едва на постели удержался! Может, нету, зверя-то?

Садовник, ничего не отвечая, прошел на кухню, подошел к господину Мойте, замешивающему тесто, игнорируя воз-

мушкетное восклицание последнего, захватил жменю муки из водруженного на стол мешка и резким движением бросил ее в угол между дверью и шкафом со специями.

И белая пыль муки высшего помола медленно осела пятном, в центре которого лежал громадный, в холке мне по грудь, чудовищного вида пес с острой длинной мордой.

Все замерли.

Кричать не кричал никто, все же служебный персонал Любережского Университета Магии был уже ко многому привычен, особенно к последствиям практик у студентов, но осторожный синхронный шаг подальше от монстра сделали все, а одна из поварих бросилась к тревожному огоньку, сообщить о чрезвычайном происшествии. Но только не госпожа Иванна. Эта добрая женщина родом из Гвебурга, попавшая в Любереж путем скоротечного замужества по причине обретения истинной любви, отличалась удивительно добрым нравом и невероятной жалостью ко всем. В свое время она и меня пожалела, а теперь вот... невидимую собаку.

– Худющий же! – всплеснула руками повариха.

Я, в отличие от нее разглядевшая угрожающе приподнявшуюся верхнюю губу монстра, напряженно произнесла:

– Не подходите.

Но меня уже не слышали.

– Ребра торчат! Истощенный весь! Глаза-то навывкате, может, бельмо там! – стенала госпожа Иванна, мотаясь по кухне и собирая все, по ее мнению, вкусное для монстра.

В дело пошли шмат мяса, который еще не успели перепустить на фарш, кусок рыбы, которую только что почистили и разделали, вермайский сыр и свежая, но остывшая, испеченная утром булка.

Все это было водружено на стандартный деревянный поднос и осторожно поставлено в двух шагах от пса. А вот после этого госпожа Иванна вопросительно и как-то даже требовательно посмотрела на меня.

– Ну уж нет! – заявила я, сразу догадавшись, на что намекает эта добрая женщина.

Так, а она и не намекала, она решила все вслух сказать, и, собственно, сказала:

– Миладушка, так ты же правила магии знаешь, он на тебя нацелен, значит, с моих рук есть не будет. А псина истощала вся, ты глянь – все кости наружу. Покорми животное, кому говорят.

– Госпожа Иванна, так вот именно, что его цель – я, и он это мясо вместе с моими руками сожрет! – воскликнула, делая опасливый шаг к двери.

И тут эта добрая, очень добрая женщина взяла и сказала:

– Миладушка, ну покорми ты его, видишь, у меня сердце не на месте. Я ж спать не смогу, если он голодный будет. Я... – В глазах главного повара УМа блеснули слезы.

Это был запрещенный прием, но... но я повелась. Одной рукой стремительно выплетая щит Даргона, способный, с одной стороны, слишком явственно обозначить мой уровень

магии, но, с другой – отбросить даже оголодавшую нежить, не то что огромного невидимого пса в муке, я подошла, очень осторожно присела под пристальным взглядом монстра и пододвинула к нему поднос.

Псина даже носом не шевельнула.

А позади меня раздалось азартное:

– Ставлю три серебрушки на то, что сожрет.

– Ставлю пять против.

– Десять на то, что атакует, но Миладка его щитом Коруса шандарахнет.

Тот, очень неприятный момент, когда понимаешь, что прислуга на кухне умнее, чем ты! Щит Коруса, точно, на него энергетические затраты в четыре раза меньше, а сила удара более выверенная, вот я... Чем я думала?! Стремительно сбросила с пальцев незавершенное плетение Даргона, но не успела сплести Коруса, как пес, этот жуткий, размером с меня пес вдруг подался ко мне и с силой втянул носом воздух.

Все даже дышать перестали, и в наступившей тишине стала слышна отдаленная магическая сирена – руководство среагировало на сигнал об опасности. По идее, сейчас половина магов университета должна сбежаться сюда... Может, успеют спасти?!

– Ммиладушка, щит-то выплети, – испуганно взмолилась госпожа Иванна.

Я побоялась. Когда сталкиваешься нос к носу с собакой подобного размера и вида, как-то не особо готова к ка-

ким-либо движениям в принципе. Пес, судя по выражению узкой морды, тоже не был готов к происходящему, но спустя секунд тридцать молчаливого взирания в мои перепуганные глаза снова потянул носом воздух и уставился на поднос с подношениями. На секунду, после чего вновь посмотрел на меня.

У меня возникло желание оползти назад, пусть даже на четвереньках.

– Да покорми ты его! – прикрикнула госпожа Иванна.

И, дернувшись от ее крика, я влетела рукой в мясо. Пес молча и выразительно воззрился на мою окровавленную ладонь. После чего, оскалив клыки, наклонил голову, осторожно, не воспользовавшись возможностью оттяпать мне руку, взял мясо, придвинул к себе, разместив между передними лапами, и принялся аккуратно, с самым аристократическим видом есть.

Именно в этот самый момент и распахнулась дверь, являя магистра Аттинура в длинной, до пят, рубахе, ночном колпаке и с сотней-другой амулетов и артефактов, драгоценными россыпями украшавших его запястья, пояс, шею, щиколотки, пальцы и даже уши. За ним, не менее украшенными особами, застыли другие преподаватели УМа. В кухне кто-то хохотнул. Магистр Аттинур, медленно багровея, перевел взгляд с чинно завтракающего невидимого пса на меня с окровавленной и наглядно доказывающей факт передачи мяса ладонью. Я гулко сглотнула, понимая, что вляпалась.

Опять!

* * *

– Это вопиющее нарушение всех правил университета! Приволочь запрещенное животное в стены УМа! Чем вы думали, Радович! Не умом точно! Как вы... Да покормите вы пса!

Магистр Аттинур, до этого момента расхаживающий по своему кабинету в длинной черной и развевающейся от резких движений мантии, под которой была все та же ночная рубашка и сотни амулетов, остановился, нервно поправил в очередной раз попытавшийся сползти ночной колпак и вперил в меня суровый взгляд.

Пришлось присесть, взять с подноса еще кусок рыбы и передать невидимой собаке. Я не знаю, на что его натаскали Горски и его сообщник, но пока что было очевидно только одно – зверюга ест из моих рук. Исключительно. Только то, что дам лично я. И пес об этом знает, а еще он оказался достаточно умным, и когда я поплелась вслед за ректором в его кабинет, монстр пошел следом, держа поднос в зубах и не растеряв ничего из снеди.

– Раритетный экземпляр, – несколько отрешенно произнес магистр Аттинур, глядя на то, как пес из моей ладони осторожно забирает рыбье мясо и принимается аккуратно есть. – Когда-то, – продолжил маг, – за одного грасса давали

тысячу золотых, заказы в лабораториях были расписаны на десятки лет вперед... В детстве я бы отдал за него все...

– А пппотом? – передавая монстру, который, оказывается, грасс, еще рыбки, спросила я.

– Потом? – задумчиво отозвался магистр Аттинур. – Потом выяснилось, что грассы разумны. Условно разумны, но им хватило разума для того, чтобы в один день синхронно атаковать все лаборатории Любережи и уничтожить производство им подобных. Восстановить метод их создания пытались, но каждый раз, когда очередной маг начинал опыты по магическому скрещиванию живых существ, он погибал. Маг погибал, Радович. Потому как уничтожившие лаборатории грассы рассеялись по всем королевствам, и невидимость позволяет им очень многое.

Аттинур помолчал, затем стащил надоевший колпак с головы, отшвырнул его и продолжил:

– Грасс, которого вы в данный момент имеете наглость кормить в моем кабинете, за что я, несомненно, влеплю вам выговор, очень молод. И судя по тому, что его все еще обрисовывает мука, его держали без еды около месяца, может, двух. К слову, госпожа Иванна, как несомненно великолепный специалист, не зря я плачу ей такие деньги, подобрала идеальную еду для него, но булку я бы на вашем месте давать не стал.

Торопливо забрала выпечку с подноса, огляделась, ища, куда бы ее положить, и не нашла ничего лучше, чем сунуть в

кадку ближайшего зеленого куста, под которым во все той же кадке уже находились застарелый огрызок яблока, недокуренная сигара и ошметки от какого-то бутерброда. Магистр Аттинур побагровел и предельно откровенно сообщил:

– День, когда я вышвырну вас из университета, станет самым счастливым за всю мою карьеру, Радович.

Я это восприняла как разрешение оставить булку там.

– А что мне делать с грассом? – растерянно спросила я, протягивая собаке еще мяса.

– Откормите... за мой счет! – прошипел глава университета. – Потом сам уйдет. Вероятно, он по глупости попался, и где-то в Горлумском лесу сейчас рассекает свежий снег вся стая в поиске этого...

Пес, который, между прочим, жевал, опустил голову и тяжело вздохнул.

– Вам должно быть стыдно! – не ограничился одним замечанием Аттинур. – Насколько же тупым надо быть, чтобы стать первым грассом, которого поймали за последние двадцать лет!

У пса опустились уши.

– И в целом, неужели так сложно было сожрать Радович, а? – продолжил бушевать ректор.

Мы с грассом одновременно возмущенно посмотрели на него, но, ничуть не устыдившись, Аттинур мечтательно произнес:

– Мм-м, какое это могло быть восхитительное утро... – И

тут же ледяным тоном продолжил: – Студентка Радович, два выговора – за то, что по вашей милости в моем университете появилось это, и за кормление животного в моем кабинете. Свободны. По итогам откорма этой тупой скотины я, несомненно, вычту из вашей стипендии все, что смогу, не привлекая внимания драконов. Теперь вон из моего кабинета!

Но не успели мы даже встать, как дверь открылась, всунулась голова вихрастого широкоплечего парня, и знакомый по утреннему пробуждению голос произнес:

– Ну, вы уже закончили с уничтожением самоуважения, самообладания и самомнения этой студентки или мне еще ждать?

Поднос выпал у меня из рук.

Потому что парень был... призрачный. На грохот в кабинет сквозь призрачную иллюзию заглянул сам Владыка Долины драконов, весело подмигнул мне, а его иллюзия продолжила вопросительно глядеть на магистра Аттинура.

– Да, Вачовски, – приторно сладким тоном ответил ректор. И тут же ледяным голосом: – А вы завершили с объяснительной по поводу того, каким образом у вас оказался кинжал из черной стали?

– Не-а! – весело ответил парень. – Я безграмотный, я писать не умею.

У ректора нервно дернулось веко. Но он сдержался и так же ласково, как начинал, произнес:

– Именно поэтому, Вачовски, вам было велено продикто-

вать все сэру Овандори.

– Да знаю я, – мотнула головой иллюзия, – но этот ваш Овандори несколько вышел из строя.

– Что значит «вышел из строя»? – взревел Аттинур.

И метнулся в кабинет секретаря, едва не снеся поддельного Вачовски.

И через раскрытую дверь я услышала всхлипы доведенного до истерики секретаря ректора. Овандори заикался, пытался что-то ответить требовательному Аттинуру и вновь начинал рыдать в голос. На мой вопросительный взгляд Гаррат-Рран-Эгиатар лишь молча развел руками, демонстрируя, что он понятия не имеет, как так получилось, и во взгляде его вины не было вообще, ни капли.

Поднявшись, я повторно подхватила поднос, глянула на пса... грасса... пса... решила, что назову его Голод, и, махнув рукой животному, поспешила прочь из кабинета ректора, думая о том, что время завтрака на исходе, а я так и не поела.

В приемной Овандори продолжал рыдать на плече у потерявшегося Аттинура, и на нас никто из них внимания не обратил. Правда, когда я уже выходила, услышала сквозь всхлипы секретаря его умоляющее: «Не берите его в университет, магистр, только не берите его...»

И двери я осторожно прикрыла. Честно говоря, впервые была целиком и полностью согласна с Овандори, и, если можно было бы, я бы тоже присоединилась к просьбе. Но,

боюсь, учитывая «жгучую любовь» магистра ко мне, эффект будет обратным.

* * *

Вернувшись на кухню, я с порога попросила у госпожи Иванны еще мяса, сообщив, что пса, по мнению ректора, не кормили пару месяцев, и в итоге мой поднос был завален настолько, что я его едва удержала. После пришлось нести все это в угол, который уже выделили для грасса, и даже теплое покрывало постелили, а после сидеть и кормить Голода. Долго кормить вконец оголодавшего Голода. Настолько долго, что госпожа Иванна, не выдержав, набрала на второй поднос фруктовый салат, тосты из черного хлеба и рыбные палочки и, переставив все это на табуретку, пододвинула ко мне. В итоге завтракала я, сидя на полу, и правой рукой кормила Голода, причем аккуратно, а левой себя, и левой выходило не слишком аккуратно.

И вот сижу я, завтракаю неординарным образом, стараясь игнорировать тот факт, что приходится касаться сырого мяса, по кухне снует обслуживающий персонал университета, время от времени добавляя мне вкусенького на поднос, в столовой за тонкой стенкой завтракают студенты, и слышится гул голосов, стук столовых приборов и шум отодвигаемых и придвигаемых стульев, и вдруг там с грохотом распахивается дверь и на всю столовую разносится:

– Здорова, убогие! Да, тебя с золотой цепью на тощей шее это особо касается! Так, начнем с главного – сами мы не местные, из дальней лесной деревеньки, дар проснулся пару дней назад, в универ меня приволок Воронир, я – Вачовски! Жрать хочу неимоверно, вот ты, с цепью, метнулся и приволок мне пожрать. Живо!

Я как сидела... ну так, в принципе, и осталась сидеть, падать-то было некуда. А вот у работников кухни из рук много чего повыпадало. Во-первых, утреннее пробуждение явно помнили все, а во-вторых, тощий парень с цепью на шее это был наследный принц! Наследный принц Любережи! Учился он на пятом курсе, характер имел мерзкий и подленький, держал рядом с университетом штат постоянных фавориток в количестве пяти штук, ночевал со всеми поочередно, если только кого иного себе не приглядывал, и постоянно был окружен сворой аристократических отпрысков, готовых за своего будущего правителя порвать любого, не глядя.

– Ой-ой-ой, – простонала госпожа Иванна, – порешат же парня ни за что!

Владыку-то? За Владыку я не переживала ни секунды и за принца тоже как-то не особо, за столько лет у меня к данному представителю королевского семейства сочувствия не осталось, уважения, впрочем, тоже, да и сделать я в данной ситуации вряд ли что могла, но все равно подскочила и бросилась к раздаточному окошку.

Попала на очень эпический момент – представитель ко-

ролевской фамилии, даже не прибегая к помощи подпевал, молча вскинул руку, активировал артефакт Кровной власти, собственно, саму золотую цепь, шарахнул золотисто-белой магией по деревенскому парню в потертом полушубке и отдал приказ:

– На колени!

Магия радостно окутала Вачовски и...

И ничего не случилось.

Иллюзорный Вачовски остался стоять на месте, в то время как сам Гаррат-Рран-Эгиатар уселся рядом с раздаточным окном и, тягая с общего подноса обжаренные в семенах льна рыбные палочки, с интересом принялся наблюдать за развитием событий.

Его высочество Умарх Четвертый потрясенно перевел взгляд с неимоверным образом противостоявшего королевской магии деревенщины на свои холеные пальцы и побледнел.

– Чего сидишь? – насмешливо поинтересовался Вачовски. – Я сказал: метнулся к стойке и приволок мне еды, недоумок в цепочке.

Наследника перекосило. Подскочив с места, он, хватая ртом воздух, огляделся и... и неожиданно пронзительным голосом закричал:

– Взять остолопа!

Толпа жаждущих выслужиться дворян, роняя стулья, столовые приборы и жуя на ходу, ринулась на Вачовски. Радост-

ный Вачовски, расставив ноги для лучшей опоры, встретил первого аристократа внушительным щелбаном, второго – тоже и третьего, после чего принялся раздавать щелбаны уже двумя руками, награждая каждого ретивого головной болью и...

И потом все завершилось.

Еще бы не завершиться – в столовую зашел Зэрнур. Дракон молча оглядел все пространство змеиными глазами, безразлично скользнул по лежащим и стонущим, внимательно посмотрел на Вачовски, так внимательно, что сидящий за стойкой в метре от меня Владыка несколько напрягся, но затем произнес:

– Причина побоища?

Дрожащий королевский отпрыск молча указал на Вачовски. Деревенский парень тут же вороватым движением спрятал руки за спину.

Зэрнур, повторно оглядев всех, приказал:

– Всем есть. Молча.

Развернулся и вышел. Совершенно молча.

Вачовски пристально посмотрел на принца и молча, но очень выразительно провел себе большим пальцем по шее. Королевич испуганно сглотнул. Вачовски же, переступая через пытающихся отползти с его дороги, направился к стойке, на ходу сообщив:

– Деревенские мы, но одаренные. Воронир сказал так – магия на тебя, парень, не действует, сила после работы в куз-

не немеряна, и характер поганый. Про характер я не зря сказал, ну, вы поняли, да?

Все всё поняли, поэтому, когда, слившись со своей иллюзией, Владыка забрал весь поднос с рыбными палочками и пошел к ближайшему столику, всех студентов, сидевших за этим столиком, сдуло как ветром. Один, правда, чуть задержался, зацепившись мантией за стул, за что и поплатился.

– Стоять! – лениво скомандовал ему Владыка. – Так, сейчас метнулся мне за чаем, а потом сходил и нашел мою сладенькую вкусняшечку.

Оторопевший студент испуганно икнул и переспросил:

– К-кого?

– Радович, естественно, – как само собой разумеющееся, сообщил Владыка.

Меня пошатнуло.

Потом пошатнуло госпожу Иванну, когда стало ясно, что аппетит у нового студента волчий, и наготовленные на всех рыбные палочки он практически умял в одиночку. Ну, как практически – пока мы стояли и смотрели на Вачовски, он их и умял. Все. Всё блюдо.

– Пожалуй, я пойду, – осторожно отступая от стойки, прошептала я. – Хочу еще в библиотеку заскочить перед лекциями.

Никто не возразил, тем более Голод. Видимо наевшись, он в итоге задремал все там же, на покрывале. Поэтому я, вымыв руки и прихватив чашку с чаем, поспешила в библиотеку.

теку.

* * *

В книгах никакой информации по грассам я не нашла. Вообще. В перечне магических существ они упоминались лишь как неудачный, ныне исчезающий экспериментальный вид. Но мне повезло – четвертый помощник библиотекаря, господин Сурс, подсказал, что нужная информация может оказаться среди монографий в шестой лаборатории.

Шестая лаборатория была не тем местом, куда бы мне хотелось спускаться, учитывая, что драконы сейчас работали именно там, но любопытство оказалось сильнее.

Все два прошедших месяца представители крылатого народа практически не выходили из лабораторий. Исследовали все, в особенности протоколы и отчеты по проведенным опытам, в основном по древним. И от преподавательского состава, и, естественно, от студентов все держалось в секрете. Драконы вообще работали в условиях абсолютной секретности, и если в первый раз мы все бросились к окнам, когда один из них выскочил из подвала и взмыл в небо драконом, стремясь унести что-то явно опасное, то разу к двадцатому уже успокоились, но четко уяснили – опасного в УМе оказалось предостаточно. Так что спускалась я с некоторой опаской, тем более что идти нужно было на шестой подземный уровень. А это уровень, который могли посещать толь-

ко мы, стипендиаты, аспиранты и преподаватели, причем мы и аспиранты лишь на шестой, а вот уже преподаватели могли спускаться на седьмой, восьмой и девятый. На десятый — исключительно собрание архимагов. О том, что там находилось, не знал никто, и по факту мы даже не догадывались.

В момент, когда я спускалась на первый уровень, раздался первый предупреждающий о начале занятий звонок, второй будет через десять минут, так что я ускорила.

Торопливо сбегая по ступеням вниз, мимоходом отметила, что с лестницы полностью исчезли пыль, плесень и мох. Причем мха ранее тут было полно, особенно на стенах, а сейчас сверкал один серый камень, причем действительно сверкал, словно его оттерли до блеска.

Сбежав еще на два пролета, поняла, что реально оттерли. Шесть умертвий разного вида и размера старательно трудились над чистотой, трое драили наждачной бумагой камни, двое следом натирали тряпками и воском, один впереди обрабатывал все паяльной лампой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.